

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе (дискуссия вторая)¹

Дискуссия проводилась 24. 04. 99 в ИЯ РАН.

В дискуссии принимали участие:

*© д. филол. н. В. Н. Телия (ИЯ), д. филол. н. Ю. А. Сорокин (ИЯ),
к. филол. н. В. Н. Базылев (МГЛУ), Н. П. Вольская (МГУ),
к. филол. н. Д. Б. Гудков (МГУ), И. В. Захаренко (МГУ),
к. филол. н. В. В. Красных (МГУ), к. филол. н. М. В. Тростников (Рос.
православный универ.),
1999*

Телия. Я посмотрела ваши издания, но прежде всего я ознакомилась с работой Базылева. И тут же процитировала про голлографическую метафору. Так что вся методологическая часть мне очень понравилась.

Сорокин. Вероника, Вы... ты льешь масло на его самолюбие. Он же страдает, не зная, с каким лицом он войдет в науку.

Базылев. Вообще я вроде как собирался завязывать...

Красных. Как?!

С. Вот ты видишь, какая реакция от... ведущего поколения, я бы так сказал.

Т. Я прочитала вашу последнюю дискуссию, когда вы рассуждали о каноне, эталоне и т. д. Юрий Александрович меня снабжает регулярно сборниками, так что я как-то немножечко подготовлена. Я поняла, что вы не пришли к какому-то единому мнению. Я понимаю, что к нему прийти и нельзя. Наверное.

С. Резче, можно резче.

Т. Нет. Иначе, наверное, и науки не будет. Вот поэтому я хочу спросить, чем мы сегодня будем заниматься: следующим этапом, который у вас намечен по повестке, или продолжим старое.

С. Так продолжаем или нет?

Т. Я просто хотела сказать, что читатель, которым была я, обычный читатель... У меня школа Серебренникова. Поскольку лингвистика –

---

¹ Запись первой дискуссии опубликована в: Язык, сознание, коммуникация. Вып. 8. М., 1999.

наука эмпирическая, и методология все равно должна подтверждаться каким-то материалом, то мне, по крайней мере, пока не дадут пощупать вещь, я могу верить. Имею право не верить. У меня много очень хороших учителей было, не обязательно великовозрастных. В частности, Мельчук был, он говорил: приведите мне контрпримеры – я изменю теорию. Я воспитана в этом русле.

Тростников. А Ю. П. Солодуб говорит: дайте мне материал, дайте мне время, и я вам дам методологию.

С. Дмитрий Борисович хочет настоять, чтобы что-то было озвучено, видимо, в продолжение того, на чем мы оборвались в прошлый раз.

Гудков. Нет, не того, на чем мы оборвались. Мы как раз можем обсудить, что будет дальше, потому что было высказано несколько любопытных и интересных предложений. Но мне кажется... У Михаила Владимировича возникли тут идеи обсудить глобальную методологию и различные способы научного анализа и поиска. Но мне кажется, что этот путь в данном случае затянет нас в пучину, мы можем долго обсуждать различные научные парадигмы. По-моему, это сейчас не очень продуктивно для нас. И исходя из этого, предлагаю все-таки обсудить для начала более конкретный план того, что мы будем делать. Потому что в прошлый раз мы весьма сумбурно, как я понял, прочитав запись... Но, возможно, это так и задумывалось...

Т. Нет, не сумбурно.

Г. На мой взгляд, сумбурно обсудили только первую часть нашей проблемы, попытались дать определение терминов и в какой-то степени пришли к каким-то все-таки по крайней мере общим базовым понятиям, притом что есть расхождения, которые, наверно, должны быть и всегда будут. Но в дальнейшем, вероятно, имеет смысл – то, что Наташа [Вольская] сказала, мне кажется, это разумно – попробовать обсудить этимологию таких явлений, как канон, эталон, как они появляются, как они возникают, почему возникает это, а не возникает другое, есть ли здесь какой-то алгоритм, закономерность какая-то существует или это совершенно случайный процесс, или, может быть, вообще нам не стоит этим заниматься, потому что ничего мы в этом не поймем. У меня вот такое предложение.

С. Эталон, и еще что?

Г. И канон.

С. Эталон и канон. Опять возвращаемся. Вероника Николаевна предложила, все остальные согласились... Когда мы заканчивали прошлую дискуссию, мы сказали, что недоговорили – (Базылев наострил уже уши, он тоже, видимо, так думает) не обсудили проблему идентификации, на которой все и закончилось.

- Т.** Вы вышли на очень хорошую тему – стереотип. Идентификация там тоже как-то прошла, потом снова стереотип. Да, стереотип, вот чем закончилось. Как некое родовое понятие, что мне очень понравилось, кстати говоря.
- С.** Не понравилось?
- Т.** Понравилось. Мне казалось, что вы на этом как-то завершили дискуссию.
- К.** Да.
- Г.** Мне просто кажется, то, что мы вот сейчас предлагаем, это очень связано.
- С.** Внутри понятия проблемы идентификации?
- Г.** Да.
- Т.** Она должна быть сформулирована в каких-то терминах, иначе она никак не формулируется.
- Г.** В любом случае есть же разные закономерности, правильные или неправильные попытки любого человеческого знания, не только научного – понять, что это значит, и откуда это взялось.
- С.** Митя, я на последний вопрос не хочу отвечать.
- Т.** Мне даже понравилось, что вы сказали: идентифицировать себя – это значит войти в некий комплекс. Значит, тогда – что есть комплекс, то и нуждается во временной разверстке, чтобы понять... Это тоже очень хорошая и сильная мысль. Принадлежность к какому-то комплексу, например, к микросоциуму, макросоциуму.
- С.** Тогда мы все согласны. Кто первый по этому поводу? Доносчику первый кнут. Дмитрий Борисович, пожалуйста...
- К.** Только пока Дмитрий Борисович собирается с мыслями – просто, чтобы было понятно: в прошлый раз мы закончили тем, что заявили проблему образа, представления, понятия. Проблема очень сложная, поэтому (чтобы была определенная преемственность наших дискуссий) мы говорим сейчас, что мы отодвигаем ее обсуждение на более позднее время. Если сегодня у нас хватит сил и времени, мы перейдем к этому, если нет – то остановимся пока на том, что было заявлено только что, поскольку у нас у всех возникла, очевидно, внутренняя неудовлетворенность незаконченностью обсуждения предыдущей нашей дискуссии.
- Б.** Итак, я хочу напомнить...
- С.** Вы тоже не удовлетворены?
- Б.** Нет, я просто напомню, что дискуссия тогда оборвалась на достаточно интересном практическом, не только теоретическом, но и практическом материале: мы начали обсуждать науку. Мы что-то пытались обсудить, исходя из этого стереотипа, эталона, канона.

- Т.** Тогда вы все были против того, что это эталон. По-моему, Вы Дима.
- Г.** Наоборот.
- К.** Давайте мы сейчас, чтобы было понятно нашему будущему читателю, определим: как, в какой последовательности мы обсуждаем проблематику, с чего мы начинаем. Потому что была идея все-таки продолжить обсуждение проблемы канона и эталона, потом предложили проблему идентификации, и еще есть проблема алгоритма, о которой говорила Наташа. Мы не можем обсуждать все скопом. Нужно определить, с чего начинаем.
- С.** То есть перебросить мостик...
- Б.** Если Вы мне доверите, я попробую перекинуть мостик от прошлой дискуссии к нынешней неким самым общим тезисом, который будет касаться вообще глубинной структуры. В прошлый раз все, насколько мне показалось, сводилось к тому, что мы пытались исследовать, определить и говорить о некоем структурированном феномене. Но можно опять-таки сделать заправку в том плане, что структуры может и не быть. И в связи с этим три цитаты. Одна цитата будет из У. Эко, из “Маятника Фуко”. Там была такая фраза: никто еще не был сожран Джокондой, этим андрогенным чудовищем. Засим мне вспоминается небезызвестная реплика Ф. Раневской, когда она стояла сзади какого-то молодого человека, который смотрел на выставке в Пушкинском музее на картину и заявил, что как-то не производит она на него впечатление. На что Фаина Раневская сказала, что этой даме уже столько лет, что она может уже выбирать, на кого производить впечатление, на кого нет.
- Г.** Это была не Джоконда, это Сикстинская мадонна была.
- С.** Это неважно. Короче, была дама на портрете.
- Б.** Скажем так, в данном конкретном случае произошла контаминация текстов. А потом опять-таки небезызвестный Эко, беря в пример портрет Моны Лизы, определил, что он является одновременно син-символом, т. е. знаком по отношению к самому себе, и иконой, т. е. знаком по отношению к объекту. Три цитаты. И мне кажется, что в данном конкретном случае мы могли бы вообще начать с обсуждения того, есть ли у эталона, канона, стереотипа некая структура, либо это некий научный миф, и структуры действительно нет. И если нет структуры, то, собственно, с чем мы имеем дело. И тогда уже, определив это, мы можем пойти дальше. Как вам вот такая заправка?
- С.** Я могу сказать в связи с этим только одно – Владимир Николаевич глубоко копает, конечно, но мне хотелось бы все-таки узнать следующее: это *очень* важно, если мы найдем или не найдем структуру в эталоне, каноне, стереотипе, или это не совсем важно?

- Т.** Я бы добавила вопрос: что понимается под структурой? Структура – слишком большое понятие. Что бы мы должны были там поискать?
- Б.** Я бы тогда сформулировал так: считают ли присутствующие здесь эталон, канон, стереотип некоей онтологической структурой либо это всего-навсего некая модель? И если это модель, то в какой интерпретации и в какой процедурной операции она подлежит комментированию. И в зависимости от этого мы тогда и сможем прийти к какому-то согласию или несогласию о том, является ли *Мона Лиза* эталоном, каноном, а может быть, не тем и не другим.
- Т.** У меня вопрос: Вы говорите “или модель”. Но модели тоже структурированы. И модель чего? Нашего сознания, нашего понимания или модель объекта?
- Б.** А вот это, собственно, и было тем спором, которым закончилась прошлая дискуссия, когда мы с Митей не нашли общих точек соприкосновения в том, как воспринимать данный прецедентный текст о *Моне Лизе*. С моей точки зрения, это не является психологическим, структурированным феноменом.
- С.** Что не является?
- К.** *Мона Лиза*?
- Б.** Не является текст о ней. Текст не является.
- С.** Но *Мона Лиза* как таковая, я не имею в виду данный евротип...
- Б.** Как другая семиотическая система...
- С.** Да, это же есть текст некоторый.
- Б.** Да, при перекодировке из одной семиотической системы в другую семиотическую систему большая часть информации теряется и она может и не структурироваться.
- С.** Вы думаете, когда молодой человек, который так огорчил Раневскую, смотрел на эту женщину, он что-то перекодировал?
- Б.** Да, у него не получилось структурированности, потому что он не воспринял или... для него или в его культуре, в этой его культуре это, действительно, не является, не являлось структурой.
- Г.** Можно я скажу? На мой взгляд, все проще. Мне так кажется. Вообще все гораздо примитивней. Потому что – об этом мы много раз уже говорили – есть текст (в данном случае *Мона Лиза*) и есть правила кодировки этого текста. Но существует этот текст со всеми глобальностями импликатур, смыслов и т. д. При этом в определенном социуме данный текст существует в весьма минимизированном виде. *Мона Лиза* существует в сознании как набор дифференциальных признаков. Вероятно, это и будет структура.
- С.** Митя, прошу прощения, от *Моны Лизы* существует в обыденном сознании одна улыбка.

- Г. Вот я об этом и говорю. И плюс “великая картина”.
- С. Я бы сказал – “великая улыбка”.
- Г. Это то, чем надо восхищаться, это, вероятно, представление о красоте. Женской. В обыденном сознании. Но об этом можно спорить. И вот, у меня есть этот “стереотип”, это минимизированное представление, общее для всех: что это символ красоты, это прелесть загадочной улыбки, это великая живопись. И вот я иду... я не знаю, на чем я воспитан: может быть, я воспитан на Малевиче и вообще считаю, что искусство должно быть беспредметным, или я воспитан на тачанке, и мне должно быть понятно, за красных или за белых художник. Это не важно. И я иду со своими эстетическими представлениями, смотрю на эту картину и говорю: “А что здесь великого? Моя Зина красивее, и улыбка у нее пошире”. И в результате вот это минимизированное представление, этот эталон, который существует на уровне общей культуры, не совпадает с моим личным представлением по тем или иным параметрам. В дальнейшем я могу пытаться себя идентифицировать (я понимаю, что это широкий термин и я слишком легко им оперирую) с моим социумом и говорить: нет, если все говорят, что это великое, значит, мне надо понять, почему это великое, изменить себя или попытаться в это проникнуть. Или я это отвергаю.
- С. Между прочим, Дима уже два раза использовал “канон” и “эталон”, и поэтому возникает предположение, что один из этих терминов лишней.
- К. Вот тут я буду спорить.
- С. Будет спор. Конечно! А Красных и должна спорить.
- Т. Там были термины – стереотип, эталон. То, что касается стереотипа, я согласна, что касается эталона – тут можно поговорить дальше. Давайте вернемся.
- Г. Давайте вернемся. Я могу пояснить, что я имел в виду. Я имел в виду стереотип восприятия. Сама по себе улыбка Мона Лизы – это эталон вот этой улыбки, а восприятие ее и то, что в текстах минимизирует эту реальную картину, – это стереотип. Вот так бы я сказал. Вот то, что я имел в виду. Прошу прощения за мое не очень строгое обращение с терминами.
- Т. По-моему... Вы хорошо вывели стереотип в прошлый раз на такое родовое понятие. И вот тут нужна этимология: что есть стереотип? Это (как понятие) – какой-то тип, который (если обратиться к сейчас сказанному, то там будет слово, против которого вы сейчас все будете возражать) есть некоторое устойчивое коллективное представление, которое на бессознательном уровне свойственно некоторому социуму (микро-, макро-, индивиду и т. д.). Тут ведь ориентировать возможно.

Вы сказали, что это эталон вообще. Так для кого эталон? Для одного эталон, для другого – это всякое может быть. Мне хочется, чтобы мы поговорили о стереотипе, а потом, от него уже проделали путь и к другим, как Вы сказали, к видовым понятиям. Мне кажется, что стереотип – такое родовое понятие. Видите ли, в науке иногда есть такое спекулятивное занятие: не сильно менять ориентацию как бы общепринятого термина, которое просто бессодержательно употребляется. Если в наших силах вложить в эталон хоть какое-то содержание – это будет великий шаг вперед.

- С. Естественно, это так и должно быть. Но я хотел бы вернуться снова к сказанному. Помните, я говорил, что не разделяю эти термины: канон и эталон. Я их отношу к текстам визуальным и невизуальным. Для меня стереотип – это *автостереотип*. Стереотип принадлежит обыденному общению, обыденному восприятию. Это, собственно говоря, реализация эталона и канона. Если угодно, видите, я соглашаюсь. На индивидуальном уровне... Ведь легко перейти от индивидуального уровня к групповому.
- Г. Коллективному.
- С. Усредненному.
- Т. Как раз наоборот – это очень трудно. Потому что сколько отпечатков пальцев, столько и отборов, предпочтений, как говорится. Но я сейчас не про то хочу сказать. Стереотип обобщает обыденное сознание. Тогда мы вводим еще один термин. Но с сознанием какого социума мы будем работать?
- С. Для меня самый большой интерес сводится к тому, чтобы не демонтировать высоколобые умные понятия и вещи и рассуждать внутри них, внутри этого блока. Меня интересует, конечно, уровень обыденного сознания, уровень того молодого человека, который, опять повторяю, огорчил Раневскую. Собственно говоря, ведь если он “этот факт” не опознает или не понимает, что происходит, то зря показывали ему великую улыбку. И тогда все наши разговоры беспредметны.
- Г. На самом деле не так. Да, сколько отпечатков пальцев, столько и индивидуальных сознаний. С этим никто не спорит. Но в данном случае – что любопытно, почему мы смеемся над этой историей? Потому что этот молодой человек маргинален, потому что он декларирует, что он не считает это великим. Выйдите, пожалуйста, на улицу и спросите, какой процент населения читал “Войну и мир”. Действительно читал, не в школе по хрестоматии просмотрел или “сто золотых сочинений”, а действительно прочитал. Я не думаю, что больше половины. Но какой процент населения выйдет и скажет, как Шукшин в известной легенде – не читал, потому что толстая очень? Очень

мало. Потому что в национальном сознании, вот в этом коллективном сознании есть представление: “*Война и мир*” – великий роман. С этим связаны какие-то вещи.

Тр. Пушкина упреком не читал, хотя фамилию его употреблял по двадцать раз ежедневно.

Т. Вы знаете, это уже другая проблема.

Г. Нет, знаете, на мой взгляд, это проблема важна в связи с нашим разговором, это то, с чем мы сталкиваемся постоянно. Есть некая база, скажем, ядро национального сознания, некая группа “стереотипов”, которые являются общими для всех людей, идентифицирующих себя с русским...

Б. ... народом.

С. Я плохо отношусь к этому термину.

Г. Вы знаете, одна наша коллега из Саратова сказала: вы говорите о национальном сообществе, но это все исключительно различные социальные группы, потому что бабушка из архангельской деревни и профессор университета – это абсолютно разные миры, которые никак не пересекаются. И не надо говорить о русском народе. Похожее мы услышали полгода назад от Юрия Афанасьева. Выступая по телевидению, он сказал: “Что вы говорите “русский народ”? Нет русского народа”. Выступает Борис Васильев, говорит аналогично: “Что вы говорите о национальной идее? Нет никакой национальной идеи и быть не может. Есть разные группы – и все!”. Но очень простая вещь: мы берем и рассылаем анкету с несколькими прецедентными именами в коннотативном употреблении (напр., “*Он назвал своего друга Иваном Сусаниным, потому что...*” и информанты должны продолжить). Мы осознанно занизили образовательный уровень: среди ии. было много ПТУшников, людей со средним образованием, жителей деревень и т. д. Мы обработали полученные данные, и оказалось, что из 30 имен 23 имени набирают около 80% “опознавания”: все русские знают, кто такой *Левша*, кто такой *Обломов*. Независимо от того, читали или нет, и за ними стоит определенное представление.

С. Митя, Евгений Михайлович Верещагин когда-то в дни своего просветления говорил следующее: самое главное – набирать эмпирический материал. Теорию можно всегда поправить.

Т. Это же Мельчук говорил.

С. И он тоже. За ним, видимо, следом. Великие умы сходятся.

Т. Только так теории и растут, и наука меняет парадигму.

С. Не будем говорить, что получилось, но в рассуждениях на эту тему он использовал одно очень интересное понятие. Он говорил о так называемых локальных ассоциациях. И, собственно говоря, лингвостра-

новедение и должно было быть построено на локальных ассоциациях. Это то же самое, о чем Вы говорите. И, дескать, иностранцам (а они очень заботились об иностранцах) нужно давать представление о русских через эти локальные ассоциации. Ничего не получилось. По другим причинам. И смотрите, какая здесь штука: мы говорили, что нет вроде бы чего-то русского как такового, и я бы даже сказал – славянского. Но, дорогие коллеги, если взять Ассоциативный словарь, частотные реакции, то можно вычлениить некоторые устойчивые ассоциативные ходы, которые присущи всем (пусть это студенты, но их очень много и они разбросаны по всему бывшему Союзу). Согласны, да? С другой стороны – излишняя политизация... Мы живем в этой обыденности, в этих стереотипных условиях, я бы так сказал. И смотрите, что получается: вроде бы ничего славянского, русского нет. Но почему так все вдруг неожиданно заговорили о Сербии и стали реагировать если не резко, то горячо? На что ориентируются в этом случае? На какие локальные ассоциации, позволяющие совместить нас и их? Что за этим стоит? Видимо, какой-то базис, какие-то общие стереотипы, а может быть, эталоны и каноны?

Захаренко. Миф о славянском единстве.

С. Если миф, то тогда еще интересней или даже убедительней.

Г. Миф не ругательное слово.

С. Не ругательное.

Б. Ну, скажем так – мифотекст. Или текстомиф.

С. Пожалуй, пожалуй.

Б. Миф – это некий текст, в который пытаются втянуть. Пример у Вики – про газету “Завтра”.

Г. Она не читает эту газету, это я ее читаю.

С. Как, Красных не читает газет?!

Б. Первично газета находится в пустом, т. е. безвоздушном, пространстве, вакууме, и только потом она начала втягивать в этот вакуум и структурировать... причем даже не структурировать, поскольку нельзя говорить о некоей устойчивой структуре вокруг этой газеты, но просто она начала втягивать в этот вакуум людей, которые постоянно ее читают, и, не читая постоянно или бросив читать другие газеты, они действительно начинают идентифицировать себя со всем тем текстом, который из номера в номер производится данной газетой. Так же и здесь.

К. Но я считаю, что газета не на пустом месте создается.

Г. Она должна отвечать неким потребностям.

К. Конечно.

Б. Потребности формируются.

- Г.** Я объясню. Можно объяснить и создать некий миф. Очень легко.
- Б.** Некий текст.
- Г.** Да, некий текст. И создать некий образ, некий стереотип, например, страшного кавказца, который похищает детей, насилует женщин и т. д. Найдет это отклик в сегодняшней Москве?
- Б.** Естественно. Потому что это поддается моделированию.
- Г.** Да, это сделано по каким-то технологиям. Но давайте попробуем сделать то же самое из татарина.
- К.** Невозможно.
- Г.** Самая крупная этническая общность в Москве – татары. Думаю, это найдет очень слабый отклик.
- Т.** Есть же такая переделанная пословица: “Незванный гость лучше татарина”, – где скрыта сильная аксиологическая модальность татарина.
- С.** Где?
- К.** Образ врага “сделать” можно.
- Г.** Но образ врага сделать из татарина сложно. Это в большей степени – некое историческое представление.
- Б.** Из любого можно сделать.
- С.** Что такое оценочность с точки зрения стереотипа?
- Б.** Оценочность с точки зрения стереотипа целелогагается.
- К.** Давайте еще раз проговорим. Что такое канон и эталон, мне более или менее понятно. Не будем говорить сейчас об универсуме: это очень сложные вещи. Если идти от индивидуума через социумы к национальному и дальше – к универсуму, давайте остановимся на уровне национальном, согласны? Это по крайней мере то, что мы хоть как-то можем обозреть, и какой-то конкретный материал у нас более или менее уже проходит: по именам, прецедентным высказываниям и т. д. Так вот, канон и эталон могут существовать и, на мой взгляд, существуют, наверное, на национальном уровне. Мы об этом говорили в прошлый раз. Эталон – это некая мера, это нечто единичное, с чем я сравниваю. Канон – это “лекало”, по которому я работаю. В связи с этим – что такое стереотип? Выскажу идею, о которой я уже раньше говорила, по-моему, ни у кого из участников нашего семинара [“Текст и коммуникация”] это не вызывает неприятия: если на национальном уровне мы можем говорить о прецедентных феноменах, о каноне и эталоне, то стереотипы скорее всего всегда социумны. Тогда вопрос: могут ли быть стереотипы на национальном уровне? Не даром у нас возникли все эти проблемы с локальными ассоциациями и со всем остальным: и мы так или иначе выходили на уровень социума. Другое дело, что социум может быть очень большой и может

- приобретать как бы квазинациональный статус. Так все-таки – что такое стереотип?
- Г. Вита, у тебя была хорошая идея, что нужно разводить два понятия стереотипа: один стереотип – это некое действие, да?
- К. Да.
- Г. Второй стереотип – это ментальная картинка. Это все-таки разные вещи, да?
- К. Да, принципиально разные вещи.
- Г. Потому что “*Передайте, пожалуйста!*” – это в принципе тоже стереотип, то, чем Ю. Е. Прохоров занимается, то, о чем он пишет, называя прагмарефлексами. А есть нечто другое, есть то, опять же ты говорила (по Ассоциативному словарю): *учительница – указка, очки и журнал*.
- Б. Мы возвращаемся опять к проблеме, к которой я перебрасывал мостик: имеем ли мы дело с онтологической реальностью или с рациональной ментальностью? С моей точки зрения, мы все время говорим и скатываемся к тому, что все-таки это некоторая национальная нагрузка. Это не онтологическая реальность. И поэтому вместо “кавказца” операционально можно поставить белоруса, украинца, кого угодно.
- К. Не уверена, не уверена.
- Г. Нет. Нет. Виртуальный мир, который моделируется, виртуальность – это (то, что Вита говорит) ирреальность, которая выдает себя за действительную реальность. Но эта ирреальность строится всегда на основании (в разных пропорциях) некоей действительной реальности и некоей “добавочной стоимости”. Эта действительная реальность должна быть.
- К. Да. Правильно.
- Т. Позволю себе Вас перебить, у нас же свободная дискуссия, да?
- Г. Да, конечно.
- Т. Нужно разводить в зависимости от сферы приложения того или иного сформированного человеком (в данном случае это, видимо, не только лингвисты), скажем, концепта, понятия (как хотите назовите это), в зависимости от того, к чему мы прилагаем стереотипы, активируются те или иные слоты фрейма. Поэтому здесь я не вижу существенной разницы, это будут вариации: будет ли это приложимо к фразе “*Подайте кофе*” или к приветствию, или к тому, чем Юра и его коллеги занимались, – т. е. к стереотипам поведения. Это все равно будет то, что члены некоего социума воспринимают как то, что соответствует, имеет параллель с тем, что Рош очень хорошо выделила как *прототип*: маленькая птичка (для русских этот прототип – *воробей*). Но это

на вещном уровне, а стереотип относится к деятельности. Они, как мне кажется, очень уравновешены, т. е. это некое коллективное представление некоего социума, которое реализует себя как модель разных форм деятельности или вещиности. Если это модель “вещи”, тогда это прототип. О стереотипе птички говорить – даже в лингвистическом обиходе просто язык не поворачивается. Вещи и события, свойства – это ведь разные миры, и к ним приложимы разные термины. Поэтому, когда мы говорим о стереотипе, любая деятельность мотивирована некоторой прагматической интенцией.

С. Ты хочешь сказать, что эталон и канон прототипичны?

Т. Я хочу сказать, что стереотип, как мне кажется, наиболее верхний, как вы говорили в прошлый раз, уровень, который может быть, если принять его как всеобщее, что это разделяемая всеми некоторая, как Вита сказала, мера...

К. Я сказала: эталон – мера.

Т. Я согласна с Вами. Если мы оттолкнемся от Рош, что есть некоторый образ, то стереотип – это на деятельностном уровне и приблизительно в такой же параллельности. Т. е. для меня стереотип – это, входя, сказать “Здравствуйте”, или “Привет”, или произнести какое-то приветствие. И другой эффект: если кто-либо этого не сделает – про него скажут “хам”. Вот аксиология: человек – хам.

К. Вероника Николаевна, Вы не считаете, что есть какой-то образ, например, когда говорят “русский мужик”...

Г. Или этнические стереотипы.

К. Да, те же этнические стереотипы – ведь это же не деятельностное!

Б. Почему? Это определяет деятельность по отношению к...

Т. ... по отношению к чему-то, к референту... Вы говорите: структурированное/неструктурированное, действительность/недействительность, но если это модель, то это модель чего-то структурированного. Каков референт, такова и реакция, как мне кажется. Поэтому стереотип поведения и стереотип ментальный не контрадикторны. Например, *русский мужик* или *русский народ*. У нас на симпозиуме был доклад, очень интересный, о том, как в XVI веке видели нас немцы. Как варваров. Это их стереотип. Это зависит от сферы приложения. Поэтому, мне кажется, стереотип и надо пока оставить как общее (я не то чтобы очень сильно на этом настаиваю), потому что мне кажется, что все остальное от него отсчитывается, исчисляется. Потому что эталон – это ведь тоже стереотип.

Б. Только надстраивается от него.

Т. Ну, как хотите. Тот снизу, тот сверху. Это ведь зависит от глубинного уровня: с какого уровня мы пойдем, от чего мы оттолкнемся. Извини-

те, здесь не принято так много говорить, вы меня прерывайте.

С. Принято-принято.

Т. Я читала работы Юрия Александровича и его очень хвалю, когда он занимается эмпирическим материалом, а не произносит термин “культурема”, тоже очень полезный... (*Общий смех*) Иногда такие хорошие мозги в такую терминологию уходят, что я потом долго думаю: что бы это значило. И понимаю я его одна. И “антропофилия” мне очень понравилась. Этот термин я поняла сразу.

Г. Вы знаете, что такое “синментальный” и “палеоментальный”?

Т. Нет. (*Общий смех*)

Г. Мы тоже необразованные.

Т. В результате он такое накрутил, что я хотела ему сказать: “Приведика ты лучше синоним, чтобы народ знал”. Потому что, как вы сказали сейчас, необразованные мы все. Образованные в могилах лежат. А мы... (*Общий смех*)

Т. Жолковский в свое время про Диму Сигала сказал: “Если бы я знал столько, сколько он, я бы повесился”. Поэтому, чтобы жить, надо немножечко не знать. Так вот. Я согласна, что эталон есть компарационная цепочка.

С. Права. (*Общий смех*) Это проще.

Т. Через компарационные цепочки видна мера. Слева всегда стоит некоторое свойство (по отношению к Моне Лизе надо подумать, что там перед улыбкой стоит), а справа стоит некоторая сущность, назовем ее так, потому что она может быть любой семиотической природы (языковой, художественное полотно, музыка, что угодно). Таким образом, как принято говорить, мир измерен: неуклюжие женщины – в коровах, мужество мужчин в английском – в быках, в русском языке... не знаю, в чем оно?..

Г. В быке... В львах, наверное.

Т. А вот и нет. Давайте: “*Мужественный как...*” Не измеряется.

Г. “Как лев”, почему нет?

З. Нет.

Тр. Бык.

З. Скорее, “*здоров как бык*”. Эталон силы, здоровья – бык.

Г. Ну да, наверное.

Т. А у нас “львов не растет”. Ослы-то к нам пришли, я думаю, через славянские тексты. Вот в этом смысле, когда мы говорим о тексте, я предпочитаю говорить о дискурсе, расширяя это понятие вслед за Р. Бартом, имея в виду более широкое понятие – культурный дискурс, т. е. текст как культурный дискурс, на котором прошли, я по Барту сейчас говорю, линии смысловых связей. Я считаю, что в эталоне за-

дано свойство и то, в чем оно измерено данным некоторым социумом. Все оказывается измеренным: мудрость, глупость и т. д. Это язык – на языковом уровне. Это тоже стереотип, потому что это в языке воспроизводится. “*Она корова*” – и всем все ясно.

- Г. Я хотел задать Вам вопрос. Да, *хитрость* измеряем в *лисах*, совершенно верно. Но, скажите, пожалуйста, есть ли какая-нибудь разница: *хитрость* – *лиса* и *поэт* – *Пушкин*? А *гениальность* – *Моцарт*. Это совершенно очевидно. Это подтверждает ассоциативный экспериментальный опрос.
- Т. Вы все равно шли моим путем, той же моделью и той же структурой. Вы задавали свой вопрос и ожидали реакцию. Там не было грамматической структуры компаративной цепочки, это совершенно необязательно: она может быть опущена по каким-то причинам, это уже, так сказать, поверхностный уровень языка. Да, я согласна, что, допустим, эталон гениальности поэта (это более сложное построение) – такой. Вот и все. Если мы уйдем с поверхностного уровня, то я с Вами согласна: да, это эталон.
- Г. Какая-то разница есть все-таки между *Пушкиным* и *коровой*?
- Т. Гениальность поэта измерена в Пушкиных. Вот моя перефразировка. Дайте мне другую перефразу, которая опровергает эту семантическую запись.
- К. Мне кажется, что все-таки эталон единичен в основе своей.
- Т. Вот абсолютно не согласна. Что значит единичен в своей основе? Вот этого я не понимаю.
- К. Пушкин – он один, и Моцарт – один.
- Т. Да, но коров много. Медведей много. Ослов много.
- К. Да, и это не какой-то конкретный медведь, а Пушкин...
- С. Это собственные имена.
- Т. Дима – специалист по собственным именам. Собственное имя имеет некоторое свое отличие (тут я выступаю как чистый лингвист) от того, что называется в грамматике нарицательным именем, назовем просто это предметным рядом. Вот и вся разница. Потому что существует разница в языке в презентации вот этих сущностей, она ведет себя по-разному. Опять же мы говорим о том, что здесь структура или модель как бы одна, а формы ее презентации зависят опять же от референта.
- Г. Понимаете, здесь есть проблема. Мне любопытно: *лиса как хитрая*, *медведь как неуклюжий* – это имя собственное или нарицательное? Вот у меня такое впечатление, что в этой паре значений *лиса* и *медведь* выступают как некие единичные предметы.
- Т. Во-первых, это не лиса с хвостом, с лапами, мы этого не видим...

- Г.** Это некий мифологический образ.
- Т.** Во-вторых, она вышла из сказок. Это не совсем то. А как называли Рагулина? Здесь сидят молодые, они этого не помнят – “шкаф”. Мощный хоккеист. *Рагулин – шкаф. Пушкин – гениальный поэт.* Тут какая-то интерпретация может быть и т. д. Вита, я не поняла, что такое единичность. В случае Димы это может быть единичность.
- С.** Вероника, Вика имеет в виду “уникальность”.
- Т.** Уникальность для данного социума. Что значит уникальность?
- К.** Ну как? Пушкин – он ведь один.
- Т.** Подождите, с Пушкиным мы считаем, что это частный случай. *Пушкин* – он Пушкин, он один, у него есть свое имя. Это уникальный эталон. Равно как *Мона Лиза*: она одна, и сколько бы ее ни фотографировали и ни тиражировали, это такой объект.
- Б.** И *лиса* тоже одна.
- Т.** Остается ли модель та же – вот в чем вопрос. По отношению к классу мифологических *лис, шкафов*.
- Г.** Это все-таки что-то другое. Есть какая-то разница.
- Т.** Есть, конечно. Но Вас же призвали уйти с поверхностного уровня на уровень модели или структуры. Сформулируем структуру хотя бы семантически...
- Б.** Либо нам придется признать, что структуры нет.
- Г.** Где?
- С.** Где?
- Б.** Ассоциация – это серия. Там нет структуры, вот почему проблема и возникла.
- Тр.** Вы все говорите об одном и том же.
- Б.** Они – да, а я – нет. (*Общий смех*)
- Тр.** Причем, по-моему, это “одно и то же” называется одним простым словом “эмблема”, т. е., по Лосеву, конвенциональный знак. Есть некие эмблемы, они бывают разные.
- Г.** Эмблема – это знак, а мы говорим о представлениях.
- Тр.** Нет, извини, пожалуйста. Есть эмблема “*Пушкин*”. То, о чем я вам сказал: поэта Пушкина управдом не читал, но имя его употреблял ежедневно и многократно. Есть эмблема “*лиса*”, есть эмблема “*пиво за столом*”.
- Т.** Миша, скажите мне, что есть эмблема как таковая. Дайте мне определение.
- Тр.** Конвенциональный знак. Внутри любой культуры рано или поздно возникают эмблемы. Рано или поздно возникает такое, с чем определенный представитель данного культурного социума связывает какое-то определенное представление.

- Б.** Но культура возникает только тогда, когда появляется набор представлений.
- Г.** Это называется сложно означаемое...
- С.** Не-не-не...
- Т.** Соотнесите, пожалуйста, чтобы мы хоть немножко разобрались, в каком тождестве и различии находятся эмблема и стереотип, эмблема и ритуал, эмблема и эталон...
- Тр.** Эталон – это есть некоторый образец, которому стоит следовать. Можно у женщины взять пальто, что, собственно, я и сделал, когда Вы вошли.
- Т.** Это скорее ритуал или даже канон.
- С.** А канон?
- Тр.** Канон – зайдите в церковь.
- Т.** Там канун, а поют каноны, да. Но это несколько разные вещи.
- Тр.** А эмблема – это то, что я произношу какое-то слово, я делаю какой-то жест, и, соответственно, любой в данном конкретном социуме понимает, что под этим разумею в виду.
- Г.** Это проблема социума.
- Тр.** Я непонятно говорю?
- Г.** Нет-нет. Это основы другой знаковой системы.
- Тр.** Правильно, правильно. Это называется “эмблема”.
- Г.** Все правильно. Но дело в том, что знаки бывают разного типа, согласись, пожалуйста.
- Тр.** Безусловно, и эмблемы разные бывают. Самые разнообразные.
- Г.** Зачем тогда нужно слово “эмблема”, если мы пользуемся словом “знак”?
- Тр.** Знак, понимаешь... Вот я кукиш нарисовал, это знак...
- Г.** Да.
- Тр.** ... но не эмблема.
- Г.** Почему не эмблема? Тоже эмблема.
- Т.** Это знак, но не эмблема?
- Тр.** Это не эмблема.
- Т.** Но это знак. И если мы говорим, что эмблема – это знак, то это тоже эмблема.
- Г.** Что такое эмблема?
- Тр.** Хорошо. Если я сейчас стол переверну – это будет знак? Знак. Но не эмблема.
- Г.** В зависимости от того, будет это знаком или нет.
- К.** Хорошо, тогда у меня вот такой вопрос. Кукиш – если Вы покажете корейцу и если Вы покажете латиноамериканцу. Это разве будет не эмблема? Обозначает одно и то же. Но в одном случае это страшное

оскорбление, в другом случае – это пожелание процветания, жизненной силы и всего остального. Латиноамериканцы его вообще часто носят как украшение.

Тр. Тогда в данном случае это, естественно, будет эмблема.

К. Тогда мне не очень понятно.

Т. У Вас эмблема как бы знак (вот тут разница), а стереотип как концепт – не знак, и эталон как концепт – не знак.

Г. Здесь вопрос очень простой: стоит за ним понятие или нет? Если ты перевернешь стол, то в разных контекстах это может читаться по-разному: это может быть знаком того, что ты выпил больше, чем нужно; это может быть знаком того, что ты не умеешь себя вести; это может быть знаком того, что ты хочешь изменить тему разговора; в некоторых контекстах это может быть знаком гнева, а может вообще не иметь никакого знакового значения, потому что можно перевернуть стол или чашку с чаем случайно. В данном случае за этим не будет стоять, конечно, какого-либо понятия. За кукишем понятие стоит.

К. Мы совсем уже ушли куда-то в другую сферу.

Г. Я согласен. Мы перескочили на проблему понятия, а пока мы об этом вообще не говорим.

Тр. Я о чем хотел сказать? Вероятно, я плохо об этом сказал. Я хотел сказать, что когда говорят о стереотипах, каких-то представлениях, понятиях и т. д., по-моему, речь идет чисто об эмблемах, т. е. о том, что мы с вами понимаем.

Г. Понятно, но этот термин нам мало что дает и мало объясняет.

Вольская. Я все-таки хотела бы обсудить вопрос, о котором я говорила еще до начала дискуссии: как феномен приобретает статус эталона или канона?

Т. Некоторые вещи, которые безусловно существуют, стали для данной культуры по каким-то признакам.

Г. Скажите, пожалуйста, стереотип аксиологичен? Он маркирован аксиологически или нет? Потому что на мой взгляд, эталон – однозначно.

Т. Я думаю, что модальная рамка стоит у всякого субъективно. Поэтому я не знаю. Ее надо на всякий случай вывести и потом смотреть.

Г. На мой взгляд, стереотип к этой проблеме достаточно индифферентен. Эталон – нет. Эталон всегда занимает...

Т. Вот смотрите, Пушкин, ну допустим, это у нас как бы эталон, но, как мы сказали, что мы можем и к стереотипу перейти: *Пушкин – гениальный поэт со знаком “плюс”*. Все.

Г. Да.

- Т.** Со знаком “плюс” было исходно. А если сказать “*Она корова*”, то “*она неуклюжая*” – уже аксиологически оценено. *Корова*, которая вообще-то дает нам молоко, попадает по этому признаку в эту аксиологическую модальность. Поэтому надо смотреть: какая структура или модель здесь есть. Вот эти примеры показывают, что идет модально-рамочная обработка концепта.
- З.** Но аксиологичность, наверно, будет проявляться именно в тех стереотипах, которые являются стереотипами-образами.
- Т.** Я просто работаю с образными материалами, и когда вы мне говорите про *Мону Лизу* – она тоже образ. Дайте мне что-нибудь не образное.
- Б.** Все, все можно вывести на образ.
- Т.** Это метафоричность, здесь просматривается метафора.
- К.** Но стереотип поведения в данном случае не будет, по-моему, иметь аксиологичность.
- Г.** Может не иметь.
- С.** Нет, нет. Стереотип поведения тоже может ее иметь.
- Г.** Всегда?
- С.** По-моему, всегда. Кстати, я придумал определение стереотипа.
- Т.** Поведение – тем более! Поведение – это прагматически ориентированная деятельность...
- С.** Все зависит от того, как договоримся и как мы сформулируем понятие стереотипа, и договоримся ли мы о наличии структуры или отсутствии ее. Я так полагаю, что структуры все-таки, наверное, нет.
- Б.** И модальных рамок тоже нет, потому что тогда бы они были жестко заданы. А они в некоторых случаях не жестко заданы.
- С.** Тогда что это такое?
- Т.** Приведите мне пример эталона или стереотипа без модальных рамок.
- Б.** Вот насчет этих *коров* и всех прочих, которые якобы воспринимаются с неким отрицательным знаком. Но последняя реклама “*Домика в деревне*”...
- Т.** Я оперировала некоторой семиотической сущностью в виде естественного языка, а Вы перешли на другую семиотическую систему.
- Г.** Корова дает молоко. Это просто разные значения, это полисемичное имя – *корова*. Мы обращаемся к разным семам. Когда мы говорим о семе неуклюжести...
- Б.** Нет-нет-нет, та реклама, которая рекламирует молоко “*Домик в деревне*”, там есть гуси, и гуси говорят: “Сейчас замычу. Вот кинозвезды. Опять их снимают”. Здесь совершенно другая, положительная характеристика. Это структура? Но структура подразумевает жесткость. Значит, структуры нет.
- Т.** Почему нет?

- С. Стереотип маркирован положительно или отрицательно, или нейтрально. Все равно оценки мы получаем. А структуры пока не вижу. Но может быть, я ошибаюсь.
- Т. Я хотела бы определить, что Вы понимаете под структурой. Я никак не могу понять: если есть какие-то элементы, типа модальной рамки на что-то, то это значит, что что-то заключено во что-то, а это уже некая структура. Или Вы другим понятием структуры располагаете?
- Б. Нет-нет, это именно то. Есть структурное мышление, есть серийное мышление. Когда мы говорим об эталоне, каноне или стереотипе, то мы имеем дело не со структурным мышлением, а с обыденным сознанием, которое представлено серийным мышлением. Вот почему возможно... Собственно, от *Джоконды* остается улыбка, с чего Митя и начал, да? Но от *кота* тоже остается только улыбка.
- С. От Чеширского.
- Б. *Кот* сам по себе растворяется, но *кот* как целостная структура не исчезает.
- Т. Я прошу: объясните еще раз разницу между структурным и серийным мышлением.
- Б. То, чем занимается Юрий Александрович, т. е. набор...
- С. Я не виноват.
- Б. ... набор ассоциаций – это серийное мышление. Оно не жестко структурировано: это может быть реакция положительная, отрицательная или никакой реакции. Пушкин – великий поэт, может иметь и положительные коннотации, и отрицательные. Я, как носитель русской культуры...
- Т. Пушкин как великий поэт не может иметь отрицательную коннотацию.
- Б. Почему? Для кого-то...
- Т. Но Вы произнесли слово “*великий*”. Если речь идет о языковой презентации, то Вы уже произнесли оценочное слово.
- Б. Да, но когда кто-то говорит, что Верещагин... или Степанов – великий ученый, то, несмотря на то, что мы употребляем...
- Г. Но, согласитесь, что эти имена не являются широко прецедентными.
- С. Вы дадите мне договорить или нет?
- Т. Мы дадим. Значит, ты считаешь, что ассоциативное мышление серийно?
- С. Да.
- Т. А что, есть другой тип мышление, который не оперирует этими посылами, связями, включением в сеть и т. д.?
- С. Да есть, почему нет? Есть, очевидно, такое мышление, мышление сегодняшнего обсуждения – мышление испорченных людей.

- Т. Чем испорченных?
- С. Ну как? Образованием, очевидно.
- Б. Рациональность.
- С. Избыточная рациональность.
- Т. У них же в ассоциативных реакциях не мышление – процесс, а процесс – стимул → реакция: *стул* → *стол*. Где здесь движение по префикации?
- Г. *Стул* → *сидеть*. (*Общий смех*)
- С. Дело в том, что в каких-то случаях, видимо, происходит редукция очень явная, сильная и мощная. Это подразумевается. Иначе бы мы не получили некоторых частотных реакций.
- Т. Так это неестественно – то, что вы исследуете, и поэтому говорить о серийности мышления применительно к естественному речевому процессу и о мышлении в ассоциативном эксперименте...
- Б. Как раз наоборот. Это вскрывает...
- Т. Одно есть способ формулировки и передачи людьми мысли о мире, а другое есть способ отслеживания “стул” → реакция “стол”. Мысль какая тут?
- С. Дело в том, что это не единичная реакция. Если бы в словаре прослеживались только эти реакции, это был бы другой разговор. Потому что совсем было бы нам плохо.
- Б. Реакция “*Пушкин* → *поэт*” – то же самое, что “*стул* → *стол*”.
- К. Скорее “*поэт* → *Пушкин*”.
- С. Я хочу вас все-таки вернуть к стереотипу.
- Т. Я хочу все-таки сказать, что ассоциативное эксперимент (стимул → реакция) – это не речевая деятельность, в ней нет информации творения, сообщения, это другое мышление, другая деятельность. С этим я согласна. Серийное. Все понятно.
- С. С *котом* – скорее всего серийное.
- Г. Когда мы говорим “стол → стул” – как это не структура?! Это как раз безусловная структура! Здесь однозначное структурирование!
- Т. Другое, чем в обычной речевой деятельности. Вот и все.
- Г. Нет, это ментальные, конечно, вещи. Мы про речевую деятельность пока не говорим. Но то, что это структура... это границы лексико-семантической группы...
- Т. Я просто никогда не вдумывалась в это. Мне пришлось работать над экспериментом. Там предлагаются идиомы и нужно дать “текстуху”, как говорится: “*это есть...*” и “*это когда...*”, т. е. мы должны были получить текст от реципиента (идиома включается в его речемыслительный процесс). А здесь – с чем мы здесь имеем дело?
- С. Здесь мы имеем дело, наверное, если вернуться к этим ассоциациям,

со страшно сложными вещами, которые трудно объяснить. Смотрите, идут реакции. Какое-то исходное количество стимулов. Причем учтите – там 500 и 100 испытуемых. И если проследите внимательно, то оказывается, что о структуре как таковой, можно говорить, только если вы учитываете самые жесткие, самые частотные реакции. Все остальное, собственно говоря, достаточно непредсказуемо, особенно если спускаться к низкочастотным реакциям. Причем сами реакции, их качественный состав нужно было проанализировать (но это другой вопрос). И текст в столбцах, которые охватывают 500 и 100 ии., тоже различается. Здесь мы можем говорить только о каких-то сериях, которые продуцируют ии. Но установить закономерность или какую-то жесткость в данном случае мы не можем. Мы можем лишь при обработке придать нашему материалу какую-то жесткость, загнать его в какие-то концептуальные рамки для того, чтобы объяснить это поведение. И все.

Б. Это внешнее, рациональное.

С. Безусловно. Для носителя языка (с чем мы и сталкиваемся всегда) то, что мы делаем, абсолютно непонятно, и они говорят, что это даже и не нужно. Это с одной стороны. С другой стороны... Я все-таки вернусь к стереотипу.

Т. Юра, можно я скажу? Вы получаете сети, как у Залевской и других – тот самый лексикон. Здесь есть структура. Она просто другая.

С. Вот! Вот! Я об этом хотел сказать. Для меня стереотип оценочен. Я не знаю точно, какие оценки, но во всяком случае три присутствуют: положительная, отрицательная и нулевая. Он оценочен. Очевидно, сериен. Ну, действительно, носитель языка не стремится, очевидно, дать окончательные оценки, к чему стремится рациональное мышление. Это с одной стороны. С другой стороны, тогда что такое стереотип? Для меня, например, это... ну давайте так... это легендирование...

Т. Юра, переведи на русский.

С. Создание легенды. Мифологизирование, легендирование синхронического и диахронического поведения.

Б. Можно я просто вставлю? Раз диахронического, сюда вписывается Маковский со своими немцами.

С. Да не только.

Т. Нужен обязательно историзм.

С. Создается некоторая легенда. Причем для чего создаются такие легенды? Они же создаются для того, чтобы защитить свою точку зрения или, если угодно, защитить “информацию”, защитить какое-то утверждение о чем-либо. И если угодно не соглашаться с легендированием, то почему не подобраться к легендированию с точки зрения

этнических различий? Очевидно, можно считать, что стереотип представляет, если сравнивать две культуры, две разные этнические криптограммы. И тогда – что это такое?

Т. Почему “крипто”? Ты считаешь, что это намеренно скрывается? Нет, не намеренно.

С. Это не намеренно скрывается. Может быть, и бессознательно скрывается. Но так или иначе скрывается.

Т. Есть ли интенция сокрытия у стереотипа?

С. Для меня это одна из форм защиты. Чеченцы так защищаются, русские так защищаются. Это не сознательно.

Б. Можно я скажу одну фразу?

С. Все так разговорились, и каждый старается втиснуться... Вика, для истории поговорите.

Б. То, что Юрий Александрович говорит, можно простыми словами сформулировать и сказать в одной фразе, – это попытка фиксации и закрепления психоцелостности культуры.

Тр. Что?!

К. Очень просто!

С. Я бы сказал даже – изумительно просто! (*Общий смех*)

Т. Очень даже в точку! Но почему только “психо”? А “социо” – исчезло? В культуре осталось?

К. Оно осталось в культуре.

Т. Повторите, пожалуйста.

Б. Фиксация и закрепление психоцелостности культуры.

С. Последнее, о стереотипе, иначе забуду.

Т. Володя, уберите “психо” и оставьте “культуру”. И тогда это классно сказано.

К. Но почему? Если “психо” понимается как отнесенность к сознанию, то почему нет?

С. Володя, тут возникает еще одна проблема. Мы ее явно запутали, по моему. Нужно различать эти криптограммы: если это стереотипы, то тогда давайте различать ментальные и поведенческой криптограммы-стереотипы. Это напрашивается, иначе мы запутаемся окончательно.

К. Юрий Александрович, спасибо! Это то, о чем я пишу.

С. Ну конечно! А почему Вы молчали?

Т. В зависимости от той сферы, к которой приложимо то, что мы называем стереотипом, они будут разные. Я только не понимаю это “крипто”. Фиксация и закрепление – вот у Вас, Володя, не было “крипто”. Юра, ты хочешь сказать, что здесь обязательно только функция защиты? Это ритуал. Это немножечко другое: это подвид стереотипа.

- С. Ритуал защищает себя, Вероника.
- Т. Ну, так вот я и говорю. Значит, ритуал – разновидность стереотипа, у которого есть эта интенция.
- Б. Это уже отрефлектированный стереотип.
- З. Можно задать примитивный вопрос...
- Г. Какой он отрефлектированный, когда *вы плюете три раза через плечо*?! Какой же это отрефлектированный ритуал?!
- Б. Вы сначала объяснили следствие...
- (Дискуссия перешла в общий спор)*
- С. Дамы и господа! Я прошу вас дать возможность Красных наконец изложить ее...
- (Общий спор продолжается)*
- Т. Если Вы не знаете, почему Вы тогда плюетесь?
- Г. Я знаю, что это – *оградить от неприятностей*.
- Т. Так вот! Значит, Вы знаете! Этого достаточно.
- Г. Это результат. А почему так произошло?..
- К. На самом деле когда вы разговариваете, например, по телефону и вам сообщают что-то приятно, вы ведь говорите *“Тьфу-тьфу-тьфу, стучу 3 раза по дереву”*. Почему? Чтобы оградить себя от неприятностей? Я не уверена, что это всегда происходит осознанно и именно для того, чтобы оградить себя от неприятностей.
- Т. Это происходит всегда осознанно. У каждого свои неприятности. *“Как Вы себя чувствуете? – Ничего. – Как прекрасно! Тьфу-тьфу-тьфу! Стучу по дереву.”* Значит, у меня есть свои проблемы, свои заботы и т. д. Каждый раз, это активизируется... Вита, но Вы же занимаетесь когнитивистикой... вы же активизируете что-то...
- (Общий спор активизируется)*
- Г. Уважаемые коллеги! У нас, по-моему, начинает получаться беседа, как на свадьбе после пятой рюмки. Все гости говорят между собой.
- (Общий смех)*
- К. Я хочу услышать вопрос Иры.
- З. Вы говорили об аксиологичности стереотипа. Объясните мне разницу: есть стереотип – когда я вхожу, я должен здороваться. Это стереотип? Стереотип. Какая здесь аксиологичность?
- Т. Вежливость.
- Б. Целеполагание. Я здороваюсь, чтобы войти в общение.
- Г. Здороваться – это хорошо, не здороваться – это плохо.
- З. Но это будет осознаваться, только когда человек не поздоровается.
- Б. Почему? Я могу войти комнату и сознательно не поздороваться.
- Т. И вот тогда стереотип нарушен. Мы возбуждаемся и начинаем разгадывать “эмблему”... *(Общий смех)*

- З.** Это все-таки разные вещи. Когда мы говорим “*Этот человек – лиса*”, явно проявляется эта аксиологичность. А когда это связано с каким-то поведением, мне кажется, это проявляется уже на уровне реакции.
- Г.** Правильно!
- Б.** Реакция – это уже есть навык. Сначала происходит (как в педагогике) первичное умение.
- С.** А Красных так и не дали сказать.
- Б.** А как раз навык – вторичное умение. Для того, чтобы сформировать навык, мне надо сначала сформировать первичное умение.
- К.** Мне кажется, что аксиологичность не в самом стереотипе, а во всем том, что его окружает. Я не знаю, насколько аксиологичен сам стереотип...
- Т.** Я с Вами целиком согласна. Всегда надо эту область возводить к дискурсу, к любому.
- Г.** Совершенно верно. То, что мы на нашем семинаре обсуждали, – совершенно разная семиотичность *улыбки* в русском и американском дискурсе. Она же абсолютно разная. То, что у них вызывает бесконечный конфликт, от чего они постоянно испытывают культурный шок и думают, что русские не хотят с ними общаться и демонстрируют им агрессию, для них улыбка – фатический знак. Для русских – наоборот, скорее. Это не нечто контактоустанавливающее. А для них это – наличие/отсутствие контакта.
- К.** Ну, тогда мы просто уходим в функцию стереотипов...
- Т.** Вот-вот-вот! Вы правильно сказали – функция. Функция предполагает – к чему-то, функция в чем, в каком типе дискурса, но я не настаиваю на этом термине. Можно назвать это более узко – ситуация. Но я в некотором смысле поклонница Барта, который сказал: дискурс – это все. Когда мы будем обсуждать это все без того, где функционирует, то тогда это отрывается и теряет, видимо, реакции, и теряется предметное отнесение. Вот и все. А так я согласна целиком и полностью.
- С.** Ира, я хочу ответить на Ваш вопрос. Вы знаете, почему это происходит? Стереотип осознается как таковой, если он маркирован отрицательно. Ведь на положительные признаки мы не реагируем по очень простой причине: мы экономим усилия и считаем их самой разумной мерой. А вот когда вдруг происходит смена знаков, вот тут-то человек и начинает беспокоиться: ага! что-то нарушено в дискурсе, в поведении, меня обидели, что-то произошло.
- Г.** Я все о своем – о межкультурной коммуникации. Она, конечно, осознается коммуницирующими...
- З.** Коммуникантами.
- Г.** ... коммуникантами именно на уровне различия в оценке. То, что это

различие в оценке спровоцировано различиями в структуре этих стереотипов, вот это осознается очень слабо. И люди совершенно не понимают, почему *русские* считают *француза* изящным, любвеобильным и галантным, а для *немцев* француз – скупой, это буржуа, гладенький, довольно хищный, противный и мелочный человек.

К. На самом деле мы сейчас вышли на то, о чем Наташа говорила: алгоритм создания стереотипа. Но я бы все-таки хотела вернуться на ступеньку назад, когда мы говорили: структурное мышление и серийное мышление. Юрий Александрович, прежде чем я продолжу свою мысль, один маленький вопрос: как проводился ассоциативный эксперимент, на основе которого был создан Ассоциативный тезаурус – ии. мог дать одну реакцию или целый ряд?

С. Сколько угодно.

К. Т. е. в принципе то, что там отражено, – это *все* реакции, которые были получены и которые были обработаны и представлены?

С. Да.

К. Тогда на самом деле получается вот такая вещь. Можно говорить о *внутренней* структуре феномена и о его *внешней* структуре, т. е. о той сети, в которую эти феномены “вписаны”. Я думаю, что здесь ни у кого не возникает сомнения в том, что есть некая, как бы внешняя структура...

Г. Семантика и синтактика, вероятно. Вит, ты об этом говоришь?

К. Нет, немножечко не об этом. Мы можем говорить о некоей системе феноменов, когда мы говорим о тех же эталонах, канонах, стереотипах и пытаемся их определить и разграничить. Это внешняя структура. Внутренняя структура... Мне кажется, что есть “дискурсивное” (в кавычках мышление) и некие модели, структуры, которые у нас существуют. Они могут проявляться в дискурсе в любом случае. Потому что даже когда мы говорим...

Г. Это некое прецедентное мышление. Это вообще термин психологии.

К. Да, это может быть прецедентное мышление. Когда мы говорим, у нас так или иначе возникают какие-то ассоциации. И они могут быть совершенно разные. Другое дело, что когда речь идет об ассоциативном эксперименте, то там, действительно, дискурса как бы и нет.

Т. Ну, вот – недискурсивное мышление.

К. Недискурсивное мышление. Но какой-то... не будем говорить “инвариант”, это какая-то структура, которая проявляется в ассоциативном эксперименте так, в дискурсе она проявляется по-другому, но она одна. И можно, очевидно, говорить о том, что существуют некие структуры. Например, частотные реакции – насколько они предсказуемы, наверное, мы можем судить по их частотности. Что это? Может быть,

это проявление каких-то стереотипов. С другой стороны, может быть “масло масляное” (из Ассоциативного словаря). Что это – стереотип? На мой взгляд, это к стереотипам отношения не имеет. Но это тоже проявляется в дискурсе. Таким образом, мы можем говорить о каких-то структурах, которые мы можем предсказать. И не важно, что в Ассоциативном словаре они представлены единичными реакциями, т. к. в ассоциативном эксперименте (может быть, я не права, я никогда ими серьезно не занималась) очень многое зависит от психического и эмоционального состояния ии. здесь и сейчас.

С. Это несомненно.

К. Поэтому для чистоты эксперимента одного и того же и нужно бы “прогнозировать” несколько раз через одно и то же, тогда может...

Г. Это вопрос больших чисел. Если проверяют много человек...

Т. Они же пишут о себе данные.

К. Ну, хорошо. Но предположим, у меня сегодня плохое настроение, я плохо себя чувствую, меня в транспорте толкнули...

Г. Ну, когда это 10 человек, это имеет смысл учитывать. А когда 500 человек, ну не всех же 500 толкнули...

С. Митя, дайте высказаться Красных: она сегодня долго молчала. Хотя она и не собьется.

К. Нет, абсолютно. Я как танк пойду по своему пути. Мне кажется, языковое сознание может быть определенным образом структурировано, могут быть вычленены и описаны некие структуры. Проще всего это сделать на материале прецедентных феноменов, потому что там достаточно ясно, о чем идет речь: есть прецедентный феномен, он уникален, он часто выступает как эталон. Мы можем его каким-то образом описать, прописать и т. д. Стереотипы более подвижны, они более гибкие, но их, наверное, тоже можно прописать. В первую очередь я говорю о стереотипах-представлениях. И Ассоциативный тезаурус дает очень четкое представление об *очередях* на рубеже 80-90х годов. И там, кстати, будет и образ, и стереотип-ситуация. В чем разница между стереотипом поведения и стереотипом-представлением? Стереотип поведения говорит мне, что я должна делать, он диктует мое поведение, ведь так? Например, я вхожу – я должна сказать “Здравствуйте”, если я в транспорте – “Прокомпостируйте/Пробейте, пожалуйста/Передайте, пожалуйста” и т. д. Стереотип-ситуация говорит мне о том, что в этой картинке *может быть*. Это не значит, что я должна вести себя так. Например, хамство в очереди, стереотип – “хамство, хамят” и т. д., но это не значит, что и я должна хамить. Однако это действие в данной ментальной картинке присутствует, т. е. это мы тоже можем каким-то образом структури-

- ровать. Итак, для меня стереотип – это стереотип-представление, сюда же входят и стереотипы... то, чем Митя занимался. Как они называются, двойные имена, да?
- Г.** Двусторонние.
- К.** Извини, двусторонние имена. Я не знаю, к чему они (зооморфизмы) ближе, к стереотипу – *лиса, волк, заяц* и т. д., да? На мой взгляд, это ближе к стереотипу, хотя по функционированию, наверное, это очень близко к прецедентному феномену. Не знаю. По крайней мере, я высказала мысль о том, что мы что-то можем структурировать.
- Т.** Поскольку вы на танке и Вас не прервешь, скажем так, что это стереотип, который представлен под видом эталона и состоит из прецедентного текста. Выстраивается такая цепочка, и ничего не теряется при этом.
- К.** Но вот следующий вопрос...
- Тр.** Вероника Николаевна, Карфаген должен быть разрушен.
- Г.** Прецедентное высказывание, кстати.
- Т.** Должен быть. Он уже разрушен.
- Тр.** Да, безусловно. Скажите мне, пожалуйста, как Вы понимаете разницу между тем, что я попытался назвать эмблемой, и стереотипом?
- Т.** Я ее еще никак не поняла, честно говоря.
- К.** Еще один в танке, по-моему.
- С.** Причем в конструктивно хорошем.
- Тр.** “Уберите огонь, дайте мне руку” это называется.
- С.** Эмблема для меня, Миша, – это очень простая вещь. Эмблема, да? Ну, это, собственно говоря, овеществление стереотипа, представление о каких-то формах – визуальных, вербальных и т. д.
- Т.** Овеществление – мне нравится все-таки, потому что эмблема всегда на виду.
- Тр.** А стереотип где?
- С.** Сидит, видимо, где-то внутри.
- Т.** Ассоциативно опять же, эмблема – это некоторая вещьность, которая сигнализирует о некотором...
- Тр.** О причастности к некоторому социуму. Вы согласны?
- Т.** Да, ну да. Можно, можно. Ну, функция, она всегда социумная.
- Б.** Она сама по себе, почему нет?
- К.** Нет.
- Т.** Ну как она сама по себе?!
- Б.** Что такое *Пушкин* для американцев?
- Т.** Все дело в том, что он понимает под эмблемой. Вы мне не сказали толком, как Вы расширили это понятие.
- С.** Все очень просто. То, о чем он говорит, назовем геральдическим

стереотипом и успокоимся.

К. Очень хорошо.

Т. Правильно. Но он-то не успокоится.

С. Успокоится, больше ему некуда деваться.

Тр. Боже мой, я, что...

Т. У него же там не геральдический стереотип: он же занимается поэтикой, ему нужна иная эмблема.

С. Вероника, поэтикой он, конечно, занимается, но о поэтике ни слова не сказал. Он нас ловил на эмблемах.

Т. Почему ты считаешь, что он согласится с тем, что эмблема – это геральдический стереотип?

С. Миша, скажите, Вы согласны или нет?

Тр. С чем?

К. Эмблема – это геральдический стереотип.

Тр. Да нет, ну почему геральдический?

Т. Ну вот, я же сказала, что он не согласится.

С. А какой же, а какой же?

Т. Он мне подарил книжку, я прочитала его книжку, я приблизительно знаю, что он о себе думает и как он думает. (*Общий смех*)

Тр. Вероника Николаевна, я Вам не автобиографию дарил.

Т. А я вычитываю автора через текст.

Г. Можно я скажу? Мы, по-моему, коснулись очень важной проблемы. Проблемы на самом деле старой, в старых терминах формулируемой очень просто: проблема значения и употребления: вот это сознание, а в речи это по-другому; в языке это так, а в речи это несколько иначе. И действительно, в некоторых ситуациях условно... Мне что пришло в голову? То, о чем мы думали вчера – мы обсуждали словарь прецедентных имен, – мы взяли *Остана Бендера*. Нам надо описать стереотипное представление (мы это называем инвариантом восприятия). И обнаружилась довольно любопытная вещь. У меня есть анкеты, на которых это все базируется. И там: *прелестный жулик, благородный аферист, симпатичный авантюрист*. Потом стали смотреть употребление. Я притащил карточки с употреблением этого имени в СМИ. Я говорю: слушайте, смотрите употребление – где здесь хоть раз проходит позитивная оценка? Ну, совершенно нет! Там было: *бывший шулер открыл казино и гребет деньги, так что Остан Бендер может позавидовать*; по поводу алмазного дела, по поводу Козленка была фраза: *надо выяснить, кто из правительства отвалил миллион долларов этому алмазному Бендеру*. Ну абсолютно не проходит *симпатичный, благородный, обаятельный*, хотя в анкетах этот текст идет постоянно – это пишут, отвечая на вопрос: *кто такой*

Бендер? Т. е. в употреблении это не актуализируется, хотя в представлении, что любопытно, есть. *Бендер* – это некий образ, стереотипный и в чем-то эталонный, конечно, там эти коннотации активно присутствуют. Может быть, они где-то актуализируются, но вот примеры (их, конечно, не так много, но те, что есть) разные.

Т. Митя, Вы забыли: за ним стоит знак, за Козленком или за кем-то...

С. В прессе так и должно быть. Они из этого образа вычлениют то, что им нужно.

Т. Сарказм или ирония.

Г. Юрий Александрович, здесь вопрос такой: этот образ позволяет им так делать.

С. Да, он многомерный. Но дело в том, что ориентироваться на прессу, можно, в этом смысле только в том случае, если фиксировать некоторое визуально-вербальное поведение самой прессы. Собственно политический дискурс – это тотальная эдипизация событий и людей. Вот что они хотят. Они хотят стать маленькими или большими Эдипами и нам навязывают эту точку зрения.

Г. Юрий Александрович, пожалуйста, а что имеется в виду под эдипизацией?

С. Ну, Эдипов комплекс, конечно. Хотя для меня это только фрагмент вербального сознания. Когда я говорю “узуальный”, я не имею в виду тексты такого рода. Вот то, что Вы делали с ПТУшниками, и Вика делала с другими контингентами, я рассматриваю как, ну, допустим, картографирование подлинного вербального узуального сознания.

К. Юрий Александрович, но, с другой стороны, что мешает тому же “Московскому комсомольцу”, известному своим ерничеством по делу и без дела, использовать того же *Остапа Бендера* сугубо положительно? Тем более, мне кажется, что по каким-то параметрам он им должен быть очень близок как тип – любимый, хороший.

С. Сверхзадача другая.

К. И вдруг неожиданно идет использование в таких контекстах, где явно негативная оценка.

Г. Притом, что вручают приз “Золотой Остап”, притом, что они выходят все в характерных обликах.

К. Да, да.

Г. Там-то они, естественно, наоборот, себя ведут. Самое интересное, я думаю, если человеку сказать: “Ты сегодня настоящий *Остап Бендер*” – я думаю, ему это, будет, скорее приятно.

С. Дорогие мои, дорогие мои...

Т. Мы пошли по десятому кругу, Вита уже об этом сказала. Функция *Остапа* в награждении за юмор совсем другая, вы называете это

употреблением. Функция, употребление – близкие вещи. Так что Вита уже эту мысль промолвила, что все опознается в соответствии с функцией в каком-то дискурсе, в ситуации.

Г. Вероника Николаевна, но при этом есть некий образ, который...

Т. Образ – всегда фигура на фоне, говорили гештальт-психологи.

Г. Хорошо.

К. Хочется крыть, а нечем. *(Общий смех)*

Г. Если рассматривать не реализацию системы, а систему, возвращаясь все-таки к структуралистской терминологии, то вот в этой системе самой по себе образ есть нечто другое, он чем-то отличается.

Т. Вы все-таки хотите, чтобы мы сейчас начали с образа?

Г. Нет, нет.

Т. Но мне хочется, чтобы мы сегодня... мы должны хотя бы взять стереотип, эталон, канон и что-то еще там у нас сегодня замаячило, какой-то концепт. Да, ритуал. Все-таки он существует, ну, обычай, навык там близко. Чтобы здесь хоть выстроить. Потому что Вы сказали слово “образ”, я сильно возбудилась. Боюсь, что мы отсюда сегодня не уйдем.

С. Ну, можно сделать перерыв, два часа идет дискуссия.

Т. Нет, ну Вита сказала, что она пойдет, как танк, но ее прервали, я не вижу этого Вашего танкового хода, где он?

К. Сейчас, сейчас. Я пойду по этому пути. Иначе говоря, если мы можем вычленить какую-то структуру все-таки, да?, то, соответственно, мы здесь можем... (Володя, это уже камешки в Ваш огород пошли) ... если мы можем вычленить какую-то структуру и опираться на материалы, которые у нас есть (это материалы анкет и материалы того же Ассоциативного тезауруса), т. е. что-то может вычленяться, то, может быть, мы можем все-таки более четко определить, что такое стереотип хотя бы для начала. И на самом деле, анализируя эту структуру, может быть, каким-то образом мы сможем и вычленить тот самый алгоритм, о котором говорила Наташа. Я думаю, что Наташа имела в виду не только исторический процесс, почему одно стало стереотипом, а другое не стало.

Т. Владимир Николаевич сказал сейчас прекрасную фразу про стереотипы. Или Вы что-то другое сказали? Зафиксировано с целью...

Б. Сохранения, да. Нет, а потом, проблема-то в том: мы никак, вернее, вы хотите выявить структуру, а все примеры опровергают это структурирование.

С. Почему вы опять не даете говорить Красных, а?

Б. Что Вы, что Вы!

Т. Вита, мне как-то понравилось то, что Вы повторили: фиксирован-

ность, устойчивость – это показывается в ассоциативном эксперименте: Ваши стереотипные реакции, с целью закрепления чего-то, надо оставить валентность как некоего “х” как ментальную структуру, поведенческую и т. д. в культуре. Пишем в скобках: духовной, социальной, материальной. Почему бы нам не считать, что это самое широкое понятие, а дальше идут подвиды.

Б. Да.

К. Значит, стереотип – это тогда что, Володя?

Т. Структура.

Б. Ну, во-первых, это, скажем, продукт серийного мышления.

Т. Когда вы ее уже вербализовали, хотите вы или не хотите, вы ее уже структурировали.

Тр. Вероника Николаевна, согласно Вашему определению, стереотип есть реализация эмблемы. *(Общий смех)*

Т. Определение было не мое, а Владимира Николаевича.

С. Все-таки мы вернулись к нашим баранам.

Б. Нет, а можно различать структуру как продукт извращенного рационального европейского мышления, как определенный продукт воспитания и образования. И с другой стороны...

Т. А куда денешься!

Б. ... мы должны попытаться сознаться самим себе...

Т. ...что мы европейцы?

Тр. Сознаюсь.

Б. А во-вторых, этот способ рационального мышления не является единственным, не может являться приоритетным и не является самым достоверным. И стереотип – если мы отходим от уровня обыденного сознания, то там вообще этого быть не может.

К. Володя, мне кажется, мы говорим о разных вещах, потому что одно дело – это мышление как процесс и другое дело – это структура, которая либо есть, либо нет. Ее можно, конечно, вчитать в тот феномен, в котором ее изначально нет, но мне кажется, что здесь как раз ситуация такая, что мы просто открываем что-то.

Б. Тогда Вы постулируете, что он онтологичен.

К. Понимаете, законы Ньютона были и до Исаака.

Б. Нет.

К. Ну как нет?

В. Но яблоко падало.

Б. Так это не было законом. Падение яблока на землю с ветки – это не закон.

Т. Вита, мы моделируем некоторую сущность, ментальную, мы структурируем.

- К.** Да, да.
- Т.** Да, это продукт, это не скоба, не стул, это так сказать, интеллектуальный продукт размышлений для круга за столом.
- Б.** В действительности этого нет.
- Т.** Ну почему нет, почему нет?
- К.** Вот мне тоже кажется – почему нет?
- Т.** Я все-таки считаю, что Пушкин – великий поэт, я считаю, что неуклюжая – кто-то и т. д. Этому соответствует структура, мы вполне построили пропозицию, по Витгенштейну, потому что мы сейчас работаем в мире того, что Вежбицкая назвала “Идеальное”, и вот на этом уровне мы должны сказать, что наше европейское мышление это построило так. А что, китайцы, у них есть стереотипы или нет, и модель иная там? Интеллектуальная модель, это и будет структура этого концепта.
- Б.** Конечно, она будет совсем другая.
- Т.** А о какой еще структуре мы вообще говорим? Я так понимаю, что об этом же. Метаязык?
- Б.** Нет, структура в рамках именно структурного подхода, т. е. вот когда Вика пытается разложить эталон. Мы просто, очевидно, о разных структурах тогда говорим. В прошлый раз речь шла о том, что эталон есть то-то, то-то, то-то, составляющие эталона. Это структура в структуралистском понимании. Да? И когда от этой структуры начинают плясать, тогда, действительно, становится не понятно, почему *Остан Бендер* может быть и таким, и таким, почему газета может использовать эту структуру. Почему *Остана Бендера* можно использовать в таких и таких функциях, потому что это же структура! Она неразложима, не вариативна и структуру нельзя тронуть, потому что она тогда разрушится.
- С.** Тогда получается, что стереотип – это локальная ассоциация...
- Б.** ...свободная.
- С.** Больше того, это тело аффекта, этнически ранжированное, больше ничего.
- Б.** Это какая-то когнитивность.
- Г.** Но не всегда этническая.
- С.** Это реплика по поводу китайцев?
- Г.** Да.
- Т.** Юра, только ты скажи, что устойчиво воспроизводимая, или стереотип не состоится, по определению Владимира Николаевича.
- С.** Он всегда устойчиво воспроизводим, это несомненно, он таким и должен быть, иначе он не существует...
- Б.** Что значит воспроизводим? Он в какой-то момент становится неосоз-

- нан, нерефлексируем...
- С.** Тогда он и воспроизводим!
- Б.** Нет, нет, воспроизводство – это не то. Он тогда уже просто начинает бытийствовать.
- С.** Ну хорошо. Ну они продуцируются, пожалуйста.
- Г.** Каждый раз ?
- Б.** Уже сами по себе.
- Т.** Тут у меня вопрос. К методологам. Значит, мы сейчас говорим о метаязыке для описания некоторого объекта. Я правильно понимаю?
- Б.** Нет. Насколько я понимаю, мы пытаемся разобраться, что представляет собой вот этот метатермин. У нас метаязык уже есть – эталон. Мы пытаемся разобраться, что это такое.
- Г.** Дать терминологические объяснения, как я понимаю, понятиям метаязыка.
- Т.** Ну в общем хорошо, вы подняли еще на один уровень. Но мы находимся на уровне некотором, назовем это мир “Действительное”, опять же по Вежбицкой, ну, там, где мы едим, пьем и т. д., для чего все знаковые системы в конечном счете и нужны. Уберите из нее мир “Действительное” – знака нет. Значит, мы обсуждаем эту проблему. В таком случае мы обсуждаем проблему структуры концепта?
- Б.** Или отсутствия таковой структуры ...
- С.** Я предлагаю сделать перерыв, и потом дать слово Красных. *(Общий смех)* Меня это стало уже беспокоить. Сделаем перерыв.
- Г.** Инвариант есть.
- С.** Перерыв!
(После перерыва)
- Тр.** Вероника Николаевна, вернемся к вопросу об эмблеме.
- Т.** Нет, почему Вы решили, что к вопросу об эмблеме? У нас Вика должна пройти своим танковым путем, как она нам обещала.
- Тр.** Потом Вы пройдете танковым путем по мне. Относительно моей эмблемы.
- Г.** Не надо считать себя фигурой, равной Черчиллю.
- Т.** Я не могу, потому что у Вас своеобразное представление об эмблеме, без которого я обхожусь некоторым странным образом, поэтому, так сказать, каждый остается при своих интересах. Просто сейчас не готова это обсуждать. Меня сегодня волнует стереотип, эталон, канон. Канон – это как бы лекало, эталон – это типичный антропометрический принцип, он же антропофизический.
- С.** Ну, соглашусь.
- Т.** Значит, про структуру. Виточка, ну Вы же хотели танком. Но сначала, Володя, я так и не поняла – структура в структуралистском смысле.

Поскольку я и прочитала Вашу книгу, но, может, я не обратила внимания, что имеется в виду под структурой при каком-то другом смысле? Что Вы вкладываете в это понятие, чтобы я потом понимала, о чем идет речь.

- Б.** А, да. Вот мы с Юрием Александровичем нашли точки соприкосновения в том, что в данном конкретном случае, когда мы будем говорить о стереотипе и даже об эталоне (о каноне – нет, канон уходит немножко в сторону, потому что там задействована уже литературная традиция, это уже высокие сферы, уже это принадлежит неким персоналиям, которые этот канон в себе как бы олицетворяет, овнешняет и т. д.), то эталон и стереотип, они выходят за рамки или вообще никоим образом не вписываются или вообще не имеют отношения к структурному аспекту мышления.
- Т.** Вот что это значит – структурный аспект?
- Б.** Скажем так, это то, что выработала в себе путем долгих упражнений, скажем, европейская цивилизация.
- Г.** Это дискурсивное мышление? Или это что-то другое?
- Б.** Нет, нет, нет. Ну, мышление... А что тогда понимать под... Не будем путаться с дискурсивным и с дискурсом. Нет, этот мы вообще термин брать не будем.
- Г.** Нет, здесь немножко разное.
- Б.** Европейское мышление, как оно складывалось в Новое время, оно, даже по сравнению со средними веками, в себе выработало, воспитало, причем нельзя сказать, что все европейское мышление, нет, это определенная социальная прослойка, которая в себе воспитала вот этот тип мышления. Свое мировидение, мировосприятие и поведение в этом мире, чего нельзя сказать, может быть, о массе европейского населения. Опять-таки оно не однородно, есть греки, есть итальянцы, есть шведы, есть французы, есть немцы. Опять-таки не однородное достаточно по составу. Нет европейской нации. Нет Европы как таковой. Так же, как нет России. Да?
- Т.** Это все понятно. Мне не понятно, из чего она состоит, структура. Из элементов, в концепции Е. Л. Гинзбурга – из множества и элементов на нем...
- Б.** Вот нет элементности в данном случае.
- Т.** В европейском мышлении?
- Б.** Нет, наоборот. Европейское мышление впитало в себя вот этот элементный анализ. Структурный.
- Т.** Вы имеете в виду атомистически, что такое структура? Вы работаете как бы с атомами или Вы работаете с пропозицией, с фреймом, с событием вместе?

- Б.** Нет, не с тем и не в другом, потому что все, что делал Витгенштейн – это опять вся та же аристотелевская традиция, только он подменяет атомарность, предположим, слова, слога, морфемы, он подменяет просто другим. Он выходит на другой уровень. Он берет, например, событие, расчленяет его на факты. Опять-таки элементный анализ, не важно, как его обозначить. А может быть другая позиция, которая, по Леви–Строссу, восходит к традиционным обществам...
- Г.** Мифологическое мышление назовите. Добавить слово: мифологическое и дискурсивное мышление.
- Б.** Нет.
- Т.** Оно недискурсивное.
- Г.** Мифологическое недискурсивное, естественно, оно противостоит. По-моему, Касевич об этом писал, если не ошибаюсь.
- Т.** Или синкретическое оно иначе называется.
- Г.** Да, да, можно и так назвать.
- Б.** Да, я просто к чему веду...
- Г.** Оно и синкретично, и прецедентно, оно все это включает.
- Т.** Синкретизм, действительно, очень трудно отловить структурой, это похоже на Ассоциативный словарь, это уж точно.
- Б.** ... я к тому и веду, что уровень стереотипа и эталона носит не структурный рациональный характер, а вот этот синкретичный, неструктурированный.
- Т.** В этом смысле?
- Б.** Да. И вот почему происходят вот эти недоразумения...
- Г.** Володя, здесь вопрос в том опять: на уровне обыденного сознания – безусловно, а на уровне метаязыка и на уровне анализа...
- Т.** Вот, вот, вот.
- Г.** ...оно все-таки обладает структурой.
- Б.** Анализ делают ученые.
- Т.** Мы должны сейчас думать синкретично или мы должны думать о мета-метапонятиях в дискурсивной форме мышления. Но мы же уже не умеем думать синкретично, что же с нами делать?
- Б.** Так вот я собственно, мне кажется, что наша дискуссия и должна была попытаться помочь читателю, мы же потом будем делать скрипт для себя, мы же работаем как бы на читателя...
- Т.** Для начала разобратся бы в самих себе.
- Б.** Нет, лучше сначала на читателя. *(Общий смех)* И тогда мы должны ему помочь разобратся в том, что какова вот эта процедура не аналитического мышления, потому что у него, у этого читателя, стереотип и эталон носят, действительно, не элементный характер. И он не может, например, понять человека специалиста-филолога, который

подготовлен системой образования к такому метаязыковому апеллированию.

- К.** Мне кажется, что мы путаем, смешиваем разные вещи. Володя, то, что в дискурсе на уровне обыденного сознания не вычленяется эта структура, еще не значит, что этой структуры нет – она есть. Другое дело, что нужно (мысль не моя и очень старая) разграничивать понятие системных феноменов, системы, грубо говоря, некой статики, с одной стороны, и динамики – с другой. Давайте будем все это четко разграничивать. Когда мы общаемся на каком-то метауровне, конечно, мы будем говорить о том, что “имеет место быть” в этой статике, мы будем говорить об самой структуре. Структура может не расчленяться, не вычленяться на уровне обыденного сознания, но она там проявляется. Это значит, что она все-таки есть. Другое дело, что многие вещи проходят не на уровне *рацио* (когда мы говорим об обыденном сознании), но это не значит, что структуры нет – она есть, она проявляется там.
- Б.** Она есть в действительности или она моделируется?
- К.** Я думаю, что она есть в действительности, она просто выявляется, вот в чем разница.
- Б.** Если бы она была в действительности, тогда бы... а поскольку структура – она зафиксирована... тогда ее проявление не может иметь вариативный характер.
- К.** Ну вот тут бы я поспорила, что она не может иметь...
- Б.** Вот! Предмет спора.
- С.** Но я хочу добавить к этому еще. Да, пожалуйста, Вероника.
- Т.** Синкретический мир прямо, как говорится, постулируется как поливариантный, потому что вся этимология вышла из одного корня синкретического, вырастали, Бог знает, какие ветви и куда отходящие значения.
- Б.** Правильно, но корень не структурирован. Марровский корень не структурирован. В этом проблема была в 40-е годы с Марром-то. Было бы все просто, если бы Шор соединила свою социологическую установку и начало сосюрковского структурализма с концепцией Марра. Вот если бы это удалось сделать, тогда да. Что потом пытались делать Иванов, Гамкрилидзе и Маковский? Они пытались увязать структурный четырехэлементный анализ Марра с элементами структурного анализа!
- К.** Володя, а Вам не кажется, что Вы хотите какие-то феномены, какие-то факты, события, которые происходят в языке, так скажем, в какой-то лингвистической области, перенести на уровень совершенно иного плана? Это не всегда срабатывает. Не надо, может, так экстраполиро-

- вать. Это первое. Второе. Если наши великие или невеликие предки не знали, как именно летает птица, птицы от этого летать не переставали. Правильно? И они знали, что птицы летают, хотя не понимали, как они это делают. Это я к тому, что не всегда нужно обязательно структурировать и объяснять на уровне обыденного сознания те вещи, которые реально существуют и которые мы можем использовать. Я, например, не знаю, как устроен компьютер, но я на нем работаю.
- Г.** Птица тем более не знает устройства своего крыла!
- К.** Конечно. Понимаете, это немножко разные вещи, на мой взгляд. Мы пытаемся просто смешать все в одну кучу – в хорошем смысле этого слова – и попытаться вывести какие-то общие законы, которые будут работать и в сфере лингвистики, и в сфере культуры, и в сфере, если угодно, ментальности, национальной составляющей менталитета и т. д. Я не уверена, что мы вправе делать такие вещи.
- Б.** А как быть со всеобщим подобием?
- К.** Я думаю, что какое-то всеобщее подобие, наверное, есть, но не надо искать это всеобщее подобие в частностях.
- Г.** Уважаемые коллеги, мы уходим, по-моему, в онтологические вопросы.
- Т.** Нет, нет, очень интересный вопрос. Но я просто хочу сказать Владимиру Николаевичу, что я чуть-чуть должна подумать. Мне как бы понравился посыл, что, в отличие от прочих, такие вещи, как эталон, стереотип, порождены некоторым другим типом мышления, нежели тот, который присутствует в каноне или в нашем обыденно-разговорном языке. В этом что-то есть. Потому что это очень хорошо отсылает к коллективным представлениям, известно, откуда это возникло: в конечном счете из анимизма, оттуда тянется. Так же, как архетип. Чем он, так сказать, как бы и недоступен, потому что “свой – чужой” обнимает весь мир, синкретично, а дальше начинается структуризация. Так что, что-то в этом есть. Но я вслед за Викой задаю вопрос: это есть, но вот в чем? В восприятии этой сущности в нашем мышлении, т. е. мы решаем тогда вопрос чисто психологического, видимо, характера, вопрос восприятия, т. е. как мы воспринимаем некоторый знак в некотором дискурсе и в чем отличие этого восприятия от восприятия некоторого другого культурного знака, культуремы? Так стоит вопрос, так Вы ставите, да?
- Б.** Нет. Это одна часть вопроса: как мы воспринимаем – это одно, а...
- Т.** Не мы, а носитель языка, носитель культуры.
- Б.** Да, носитель языка. Это одна сторона, это восприятие. И тогда, действительно, на каком-то этапе развития культуры это может восприниматься как имеющий место и действительный объект.

- Т.** Не задержалось ли с той поры вот в этих стереотипах, эталонах вот то самое, назовем его все-таки, недискурсивное мышление? Почему Вы против этого? Это такой же термин, самый общий. Откуда у меня такой интерес: эталон, стереотип? А когда соотносишь это с языком, ты получаешь знаковое выражение, презентацию в виде знака, и там у тебя стоит полисемия, метафора, синекдоха, все что угодно. Так что у Вас, мне кажется, такая постановка вопроса очень интересна, но ведь тогда надо ставить эксперимент, вот у нас сидит Юрий Александрович. Отловить, верифицировать.
- С.** Володя затронул, действительно, какую-то забавную тему...
- Т.** Нет, не забавную, она хорошая.
- С.** В смысле “хорошести” забавности. Я тоже к нему присоединюсь, хотя не так часто это делаю. Разговор пошел о Витгенштейне, говорят, что он антиатомистичен. Для меня он, наоборот, сугубо атомистичен. И если возвращаться к тому, что мы сейчас обсуждаем – к вопросу о структурности и бесструктурности, то, очевидно, можно считать, что стереотип структурен только в том смысле, если мы признаем, что, например, в событии существует структура. Ибо, если возвращаться к данным Ассоциативного словаря, возникает очень любопытная закономерность. Что-то случилось, и используется оценка какая-то или характеристика. Правда ведь? Собственно говоря, мыслит человек не атомарно (я к этому веду) – он мыслит некоторым событием, для него это важно. Это прежде всего он и подчеркивает и выдает в ответах. Он принципиально противопоставлен, например, в этом своем мышлении мышлению, если угодно, Витгенштейна. Невитгенштейновский человек не так это делает. Структуры, жесткой, элементной, не наблюдается. И тогда мы можем говорить, что стереотип антиструктурен в этом смысле, но мы можем его структурировать произвольно, каким-то образом придать ему некоторую структуру.
- Т.** Подожди, вот ты сказал все сначала хорошо, а потом...
- С.** А потом – плохо.
- Т.** Вот в самой последней фразе опять ты перескочил с уровня на уровень. Как некоторая сущность ментальная, поскольку мы владеем некоторыми стереотипными, эталонными, канонными представлениями. Ну, назовем это опять же в кавычках. Но поскольку пока это в современном дискурсе выражено, то это уже начинает работать с любым знаком. Уже как мы привыкли, как европейцы. Он раскладывает это, т. е. референт структурирован. Нет? Не так? Мне показалось, что Юра это хотел сказать.
- С.** Ну, в общем-то так.
- Г.** Я согласен с этим, но, может быть, это процесс последующей рефлекс-

сии. Дело в том, что когда мы говорим об уровне коллективного мышления...

Т. Рефлексии на знаковом уровне.

Г. ... когда мы говорим об уровне коллективного мышления (а меня и моих коллег это в наибольшей степени интересует), здесь... то, что Московичи, на мой взгляд, многословно и неточно сказал, но мысль его абсолютно верная, – что коллективное мышление как раз нерелексивно. И на уровне коллективного... даже не мышления... скажем, коллективного сознания.

С. Поведения даже.

К. Московичи говорит, что коллективного сознания вообще никакого нет. Только коллективное бессознательное.

Г. Ну, хорошо, коллективное представление, которое служит, по Лосеву, порождающей моделью неких действий, которые заставляют нас поступать так и так, на уровне коллективного сознания совершенно нерелексивно. Мы не обсуждаем: а почему это так? Это вопрос последующий. Специфика, кстати, европейского сознания, что оно этот вопрос, вероятно, задает и потом постоянно пытается это разложить: почему? зачем? а как это устроено? что это такое? Но это уже проблема “метачего-то”, я не знаю, как это назвать. А на уровне этих вещей – здесь я опять боюсь набросать всяких терминов – но это вопрос ритуала, стереотипа, т. е. “делай, как я”. Даже не “как я” – что-то задано, и этому надо следовать, это хорошо – это плохо, это так – это не так. Я постараюсь это конкретизировать. Очень простой пример. Из личной практики. Я работаю с группой американцев и в полушутку, повторяя Александра Введенского, говорю такую фразу: “Я монархист, потому что монархия – это единственная форма правления, при которой хоть иногда, пусть и редко, к власти может прийти порядочный человек” (его, кстати, первый раз посадили именно за эту фразу, сказанную в узком кругу). С этой группой у меня были очень хорошие отношения. И после этой фразы я вижу совершенно феноменальную реакцию: лица бледнеют (я такого даже не ожидал), вытягиваются, у ребят выпучиваются глаза – как?! вроде, человек, к которому мы неплохо относились и не совсем дурак, говорит вдруг такую ахинею?! как монархия – и вдруг хорошо?! монархия – это плохо! хорошо – демократия. И задать вопрос “почему?” совершенно невозможно. Прелестная фраза Черчилля, которая демонстрирует мифологическое мышление: демократия, может быть, это плохо, но человечество не придумало ничего лучше. Самое интересно, что даже с точки зрения западного рационализма эта фраза абсурдна: велосипед – это не так хорошо, но ничего лучше мы не придумали, и поэтому думать дальше

не надо. Эти жесткие представления: *демократия, монархия* – т. е. некие абстрактные сущности... *Пушкин, Мона Лиза*... это то, что действительно на уровне обыденного сознания, на уровне коллективных представлений совершенно не рефлексировано. И в этом отношении это действительно не структурно. Но как только мы переходим на уровень анализа, а мы занимаемся именно этим, как только мы пытаемся понять, что такое обыденное сознание, что такое коллективное представление...

Т. Я бы сказала даже: достать его.

Г. Да, вытащить... и мы пытаемся понять его этимологию (как угодно это назвать), его функционирование, здесь мы неизбежно должны сталкиваться с его структурой.

Б. И вот здесь возникает вопрос: а почему при анализе мы должны обязательно идти по структуралистским меркам?

Г. Потому что тогда мы сможем ответить на вопрос “*почему?*” – почему американцы считают так, а русские считают так? Что такое для них демократия, как они ее видят, какие дифференциальные (я подчеркиваю это слово) признаки и какие коннотации, какая возникает в результате оценочная маркированность?.. Как только мы говорим слова “дифференциальные признаки, коннотация, оценка” – это структура.

Т. Да. Поскольку мы стараемся пробиться через фразеологический образ к культурной рефлексии (С. Кабакова делала эксперимент, а она психолог, так что там все было чисто поставлено) – что вытаскивается? На каком уровне идет эта рефлексия? На уровне “свой – чужой” и других архетипов сознания. На уровне опять же коллективных представлений, т. е. базовых понятий: ии. действительно этот образ либо прочитывают буквально и тогда соотносят его с некоторой стереотипной ситуацией (типа “выносить сор из избы”, т. е. изба – изба, сор – сор). Но если ии. работают с образом, то дают ответы, типа: *из своего в чужое нельзя*. Тут правы Вы: в этом смысле это интересно. Наконец-то мы начали понимать друг друга, что, действительно, эти сущности не структурированы, но наше сознание, мифологическая форма сознания работает... Кабакова об этом и писала, что носитель языка никогда не выдаст категорию культуры прямо, но околичностью он все-таки укажет, что это “свое”, “чужое”, “мера” и проч. Я почти что согласна с тем, что в нашем тезаурусе концептуально называется эталоном, ритуалом, стереотипом и проч., и проч., – это элементы... или как?.. это мифологического сознания, которое мы пытаемся перевести при анализе...

С. ... в рациональный план.

Т. Иначе мы описать это не можем. Испытуемые между тем выдают это глубинное. Поэтому я и сказала, что нужен эксперимент.

- Б.** У меня возникает вопрос: а почему, собственно, мы не можем описание не строить по принципу точек? Ведь если мы говорим о коннотациях и прочих элементах, мы можем, например, прийти к ответу... почему американцы так на это реагировали? Они эмоционально реагировали на это заявление (о демократии). Но эта эмоция... Мне пришло в голову, что можно говорить о когнитивных эмоциях. А эмоция опять-таки в какой-то парадигме разложима на элементы, а в каких-то концепциях эмоция на элементы не разложима. Но ее тем не менее можно исследовать. А если это когнитивная эмоция...
- Т.** Простите, эмоция или чувство?
- Б.** Эмоция. Американцы, о которых говорил Митя, эмоциональны, не чувственны: у них вытянулись лица, они побледнели... Но эта эмоция – не первичная, не рефлекторная...
- С.** Я сделаю одну вставку: Володя, вопрос Вероники очень важен. Разговор идет, очевидно, не об эмоциях.
- З.** Конечно! Это будет не эмоция!
- С.** Вспомним то, что разделяет эмоцию и чувство. Определение эмоции как таковой четко дано психологами (не нашими, конечно). Когда есть эмоция, вы имеете четкое, однозначное указание на какое-то состояние.
- Т.** Нарушение гомеостаза, не более того.
- С.** Чувство, наоборот, не имеет размерности, его нельзя просчитать, разложить на те элементарные составляющие, о которых Вы говорили. Здесь как раз уместно использовать понятие “чувства”, а не “эмоции”.
- К.** Юрий Александрович, извините, что перебиваю, но Вам не кажется, что мы вообще не должны заниматься проблемами эмоции и чувств? Давайте оставим это психологам!
- С.** Тогда на каком основании группировать, объяснять, истолковывать полученный материал? Вполне возможно, что вот эта база, база чувства, общего или не общего, различающегося или нет, может служить исходной точкой отсчета. Ведь можно рассуждать и так. Потому что Ваши *лисы*, *Павлы Корчагины* – это не только вербальная материя.
- Б.** Вообще эти модули: зрительные, слуховые, тактильные – они тоже не разложимы на когнитивном уровне.
- Т.** Очень даже разложимы. Должна Вас разочаровать: в ответах реципиентов “*На седьмом небе*” – “*мне хорошо*”, “*я летаю*”, зрительная реакция – “*вижу ангелов*”... Из ответов просеивается полимодальность, но с нашим выраженным дискурсивным мышлением. А рефлексия “*это если*” – там модусы не расчленимы. Они оказываются у носителей языка... Он не называет, что это зрительное восприятие или дру-

гое, но он описывает свое состояние через состояние двигательное, зрительное, тактильное. Не случайно же психологи говорят, я очень полюбили эту фразу, что все в итоге – это память тела.

Б. И она не разложима?

Т. Разложима, как показывает эксперимент. Я ведь привела фрагмент буквально из протокола: “*на седьмом небе*”.

Б. Разложимо “*на седьмом небе*”.

Т. Я просто привела конкретный пример. Это образ. Какая разница? Я могла бы привести другое...

Б. Нет. Образ или реакция на фразу?

С. Реакция вообще.

Т. “*На седьмом небе – это когда...*” И дальше идет текст. И этот текст...

Б. Реакция на текст.

Т. Нет. Реакция на “*быть на седьмом небе*”.

Б. Реакция на что: на письменный текст, на образ, на фразу?

Т. На языковой образ, заданный идиомой.

Б. В виде письменного текста?

Т. И устно было. Но ии. предлагали работать с образом.

Г. Я хочу обратить внимание на одну любопытную вещь. Кстати, про XX век и про виртуальность. Я размышлял о мифологической функции прецедентов, и мне представляется, что раньше, как мне кажется, примерно до нашего времени, это все было достаточно стихийно, т. е. люди понимали, что это важно, но что это такое, рефлексии и анализа здесь по большому счету не было. Я не думаю, что, когда большевики переименовывали города и улицы или когда потом это делало демократическое, так сказать, правительство, они сознавали, что они формируют некие изменения в системе эталонов, прецедентов, мифологических имен, которые задают... (на эту тему написано очень много, в том числе и в психоанализе писали о прецедентности героя: *делай так и поступай так, на основе мифологического сознания*). Любопытно, что сейчас, при возможности мощного влияния на сознание человека с помощью разных вещей, это как раз пытаются формулировать. Это опять пока еще не очень рефлексировано, но делается. Постоянно обсуждаемый, кстати, Верещагиным и Костомаровым словарь Хирша – словарь культурной грамотности, что должен знать каждый американец, чтобы быть социализированной личностью, полноценно участвовать в коммуникации. В этом – попытка (да, субъективная, на основе интроспекции) относительно сознательного формирования когнитивной базы. Когда сегодня все больше говорят о политических технологиях, когда сегодня американцы бомбят телецентр в Белграде (страшный военный объект, понятно), это уже четко сегодня осозна-

ется. Вопрос опять не в системе пропаганды, это было бы понятно. Но вопрос в том, что представляется, какие имена выдвигаются и как это все фиксируется. И здесь, конечно, опять мифологическое сознание. Оно совершенно недискурсивно.

- К.** К вопросу о том, что ты сейчас говорил. Таким образом можно, наверное, влиять на пантеон эталонов, на каноны – возможно. Насколько мы можем влиять на стереотипы в более узком их понимании?
- Г.** Только опосредованно. Потому что это делать очень тяжело, это происходит очень медленно и мучительно. Другой вопрос – возможно это или нет. Не знаю, мы можем уходить в какие-то метафизические вещи и говорить: есть какой-то *Volksgeist* (как у Гумбольдта) и ничего мы с ним не сделаем. Я не знаю, может быть, он и есть. Приведу свой любимый пример: люди поступают в университет, большой конкурс, люди списывают со шпаргалок, кто-то сидит рядом, и я говорю “Дай шпаргалку, пожалуйста”. Он что, не даст? Американцы этого понять не могут: мало того, что я обманываю, да я еще у конкурента своего прошу шпаргалку, и он мне дает – да это бред какой-то! Когда я рассказывал эту историю моим ровесникам, они мне говорят: “Ты знаешь, современная молодежь совершенно не такая, как мы”. Я пошел в школу к своей жене, там 16-летние дети. Я смоделировал эту ситуацию. Я понимаю, это пилотажный опрос. Но! 99% говорят, что это нормальная ситуация. Дать – не дать – это еще вопрос, но заявить об этом преподавателю – совершенно невозможно. Ментальные эталоны и стереотипы диктуют определенную систему поведения.
- Т.** Вы задали более важный вопрос: меняются ли? Да, меняются. Конечно, постепенно, потому что устойчиво задерживают, фиксируют. Но ведь историзм культуры существует. Да, медленнее, чем все другое, но переосмыляется. И чем больше оттуда сюда, тем менее рефлексировано, т. е. меняется наполнение. Воздействуют, Вы правильно сказали, через телевидение, вбивают в мозги, формируются новые... Культура не может стоять. Одни стереотипы уходят, другие приходят, третьи каким-то образом переосмыляются. Это нормально. Просто остаются по своей сути мифологическими. И вот что я хотела еще добавить. Это не моя мысль: когда Вы говорите о стереотипе как мифе, стереотип базируется на вере, доверии. И все.
- Г.** Да, конечно. Это не обсуждается.
- Т.** Да, “я этому верю”. Это опять же мифологическое, синкретическое. Никакого анализа: верю – и все! Это, видимо, одна из характерных черт при описании этих существностей. Это межпоколенно. Это тянется...
- Г.** Я на эту тему писал. Это очень показательно, на мой взгляд. Возьмем фигуру *Ленина*. Коллективное сознание, конечно, мифологично. В

нем вообще нет категории “нормальный человек”. В нем есть только категории “герой, демон, святой”. А обыденный человек там отсутствует как таковой. Пилотажный анализ Ленина (хотя о нем писали очень многие: и Московичи, и Фромм, и Вышеславцев и др.)... Ну понятно, что марксизм существовал в Советском Союзе как религия и Ленин выступал как безусловно чисто религиозный культ...

- Т.** Я возражаю чисто терминологически. Для меня религия более высокое понятие.
- Г.** Хорошо. Скажем так: присутствовала сакральность. И Ленин выступал как чисто сакральная фигура. Наблюдается попытка развенчать сакральность. Что происходит в результате? В этом отношении блестяща для анализа книжка В. Солоухина “При свете дня”, изд. 1992 года. На обложке – очень любопытная картинка (я не говорю об уровне вкуса): половина лица Ленина – это сам Ленин, а вторая половина – “украшена” рогом и страшным клыком. Понятно почему: святой не может стать нормальным человеком. Что делает Солоухин? Он развенчивает Ленина, он рассказывает, что Ленин ужасен. Как это делается? Ленин болел дурной болезнью, был “неправильной” национальности, убивал много зайцев: на охоте убивал во время ледохода (когда дед Мазай их спасал, Ленин убивал). Все!
- Т.** Через архетип “чужой”.
- Г.** Ленин здесь не как охотник или образец болезни выступает, ни его социальные теории, ни его политическая деятельность, ничего практически не рассматривается. Помните, как у Жванецкого: как может рассуждать об архитектуре лысый? Это же именно это мышление. Если Ленин болел дурной болезнью, то не может он быть вождем пролетариата.
- В.** А Ленин в анекдотах? Это ведь тоже десакрализация.
- Г.** Там по-другому: там “мелкий бес”, это чертенок в “Балде”. Т. е. это может быть или страшный демон, или мелкий бес. Мелкий бес – это компенсация за предыдущее поклонение: над ним мы сейчас будем смеяться. Я не знаю, почему Володя сегодня ни разу не повторил свою идею о комплексах – то, чем комплексует культура. Вот это! Ленин – это то, чем однозначно комплексует русская культура, причем по-разному.
- С.** Митя, но только тогда нужно развести стереотипы. Вы же ушли в политические стереотипы, а это особая статья. Вот они могут, на мой взгляд... Вика задала вопрос, можно ли их менять и могут ли они изменяться? Да! Назовите их социальными или как угодно. А вот основные...
- Т.** Назови их духовными.

- С. Да, базовые стереотипы.
- Б. Стереотип лидера тоже, видимо, относится к базовым. Не важно, кто это будет.
- Т. Нет-нет. Имеются в виду разновидности стереотипов: социальные, поведенческие и т. д.
- Г. Я не говорил бы “стереотип”. Это скорее, как Степанов (и не только он) говорил, ключевые концепты культуры. На уровне большого времени они, наверное, как-то меняются, а на уровне малого – нет.
- Т. На уровне малого меняются те, которые привязаны к социуму. А духовные меняются медленнее.
- Г. Мне очень понравилось одно наблюдение Степанова: ни одним романно-германском языке невозможно сказать “судить не по закону, а по совести” – там это звучит абсурдно, там эти понятия не противопоставлены. А русские это отлично понимают. Кстати, на уровне совершенно не рефлекслируемом. В самом деле: что такое закон? У закона есть по меньшей мере 3 значения... А что такое совесть?
- К. Митя, ты перешел уже совершенно на другую...
- С. Иногда глубинные, базовые стереотипы...
- Т. Приведите мне только пример, хотя бы одного.
- С. Ну, например, я ощущаю себя русским и вижу в Вике тоже русскую...
- К. Юрий Александрович, только одна маленькая реплика. Последняя мысль Мити касалась уже не стереотипов, а концептов. А это уже другие вещи.
- Г. Я согласен.
- С. Я не знаю, как это назвать...
- Т. Но, Вита, мне показалось, что Вы задали очень существенный вопрос: если это коллективное сознание, мифологическая форма мышления, пролонгированная, если это вера и прочее, то спрашивается, что может его развивать? Казалось бы, все закрыто: устойчивость, вера и т. д. Об этом речь. Социальные стереотипы – это понятно: “Здрасьте” – “До свидания”, можно говорить “Господа”, а можно говорить “Калоши уперли”, я имею в виду “все в Париж уехали, а мы, товарищи, которые...” Эти стереотипы меняются. А когда ты говоришь “долгие” (основные стереотипы), что ты имеешь в виду?
- С. Я имею в виду устойчивый этикет, традиции поведения, традиции в реагировании на человека, его оценку. Они, на мой взгляд, не изменяются или почти не изменяются. А вот все, что связано с так называемыми карикатурами, масками, о которых Вы, Митя, говорите, а их тоже можно считать стереотипами, они, конечно, изменяются. Вот это нужно разводить. И когда мы говорим о *Ленине*, то, может быть, мы придем снова на новом витке к положительной характеристике

или сугубо отрицательной. Вот это я хотел подчеркнуть.

- Т.** Вот поэтому я большая сторонница разведения, хотя от него отказался Леви-Стросс, культурной и социальной антропологии. Они все-таки существенно различаются. Хотя, конечно, и пересекаются. Там, где социальная антропология в духе Малиновского (кто на ком женится и т. д.), стереотипы меняются быстро. А там, где духовная сфера, хотя ее очень трудно отгородить, мы снова подходим к проблеме пролонгированной идентичности. Мы столько сегодня идей перево рошили. Нужно время, чтобы все разложить по полочкам.
- С.** Ну, давайте заканчивать тогда.
- Т.** Да, но вот какой еще параметр нужно ввести: тип мифа. Мифологическое сознание и тип в зависимости от того, какой миф: мифы вечные, долговременные, кратковременные, с каким типом культуры соотносятся и т. д. Тогда стереотипы тоже начнут двигаться.
- Г.** Мне представляется, что это сложный вопрос и здесь надо подумать. Но то, что с ходу, “выбрасывается”: можно, вероятно, вывести архетипические мифы, а к ним просто поставить разные переменные. Поэтому что миф о культурной героине – место культурного героя может в определенную эпоху занимать Сталин или кто-то другой. Но в целом эта общая структура – миф культурного героя.
- Т.** Но это мы уже обращаемся к Проппу, короче говоря: есть сказка и есть временные переменные на функцию.
- Г.** Да, здесь очень важно слово “функция”. Да, объект и функция.
- Т.** И есть, у которых предметные переменные устойчивы и в какой культуре, а есть, где они лабильны.
- К.** Но что самое смешное, мы, по-моему, так и не ответили на вопрос: что же такое стереотип?
- Т.** Мы ответили.
- Б.** Я бы сказал так: это отсутствующая структура, которую мы пытаемся своим рациональным мышлением каким-то образом элементировать. Она не поддается элементированию, и мы пришли в конечном итоге к выводу, что мы не можем и не рационально и бессмысленно пытаться ее элементировать. Элементировать можно какие-то другие уровни, стереотип этому не подвергается.
- К.** Это не определение стереотипа.
- Т.** Это апофатическое определение, я цитирую Сорокина.
- С.** Тогда мы можем сказать следующее: следовательно, у *Джоконды* отсутствует улыбка.
- Б.** Да! Точно так же, как улыбка не предполагает *кота*. Улыбка может предполагать и *Джоконду*, и *кота*.
- К.** Нет! Нет! Улыбка может предполагать все что угодно.

Г. Одна улыбка предполагает *кота*, другая – *Джоконду*.

К. Конечно!

Т. Сегодня мы выявили много параметров стереотипа: традиционность, вера, коллективное сознание, а следовательно, фиксация, превращение в нерелексируемый навык, обычай или инструкцию (ментальную или иную). Я собираю то, что было сегодня сказано. Это уже основание для того, чтобы в следующий раз каждый мог по этим параметрам предложить некоторое определение. Вы говорите о его сущности – это большой параметр – что это особая форма сознания. И его разновидности: на предметных и на знаковых формах. Мне так представляется. По-моему, мы сегодня что-то выяснили для себя.

С. Во всяком случае хорошо поговорили.

Т. По крайней мере, есть над чем размышлять и думать. А дефиниция – дело очень сложное. Лучше задавать скользящие классификации, параметризовать. Знать, какими свойствами эту сущность награждать. И обсуждать, обладает/не обладает и в каких дискурсах или на каких переменных мифологического сознания...

К. Тогда следующий вопрос: чему оказывается противопоставлен стереотип?

Т. А зачем его противопоставлять? Если он родовое понятие.

Г. Я понимаю, что кн. Трубецкой перепахал тебя: все тебе надо оппозиции выстроить, все в бинарных оппозициях.

Б. Мне кажется, что это прекрасный путь.

Тр. Вероника Николаевна, а то, что стереотип противопоставлен эмблеме, я прав? (*Общий смех*)

С. Похоже, осталось очень много вопросов. Оставим их на следующий раз.